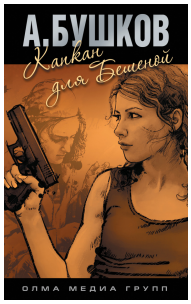
А. БУШКОВ
Канкан для Бешеной
ОЛМА МЕДИА ГРУПП

Александр Александрович Бушков

Капкан для Бешеной

Серия «Шантарский цикл»

Серия «Бешеная», книга 4

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=118609
Капкан для Бешеной: ОЛМА Медиа Групп; Москва; 2013
ISBN 978-5-373-02758-8

Аннотация

Любимый город Шантарск может спать спокойно, если на его защите стоит капитан угрозыска, рыжеволосая красавица Дарья Шевчук. Беспокойно ворочаются во сне только представители криминалитета, поскольку знают, что Рыжая вновь вышла на охоту и никакой капкан ее не остановит.

Содержание

Глава первая 5
Глава вторая 15
Глава третья 23
Глава четвертая 35
Глава пятая 39
Глава шестая 50
Конец ознакомительного фрагмента. 62

Александр Бушков
Капкан для Бешеной

Исключительное право публикации книги Александра Бушкова «Капкан для Бешеной» принадлежит ЗАО «ОЛМА Медиа Групп». Выпуск произведения без разрешения издателя считается противоправным и преследуется по закону.

© Бушков А. А., 2001
© ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2013

* * *

Действующие лица романа вымышлены, всякое сходство их с реальными людьми – не более чем случайное совпадение.
Александр Бушков

Глава первая
Белокурая на белом фоне

Непредсказуемая шантарская весна, как частенько, опять баловалась дурацкими сюрпризами. Вчера потеплело, снег размяк и размок, машины до темноты старательно месили серые рыхлые груды – а сегодня с рассветом стукнул морозец, и получился пакостнейший гололед. Аварий было – не перечесть. Хорошо еще к середине дня все более-менее уладилось, но машины ползли, как сонные мухи. «Право, пешком надо было идти, – сердито подумала Даша, – все быстрее вышло бы». От места происшествия до городского УВД – два шага, едва успеешь сигарету выкурить, но, коли уж теперь ты пусть и мелконькое, да начальство, приходится пользоваться благами. Пару лет назад бы эти блага, когда «доктора Петрова» операм пришлось доставлять в узилище на попутке, и он, сука такая, ухитрился залепить водителю каблуком по затылку, отчего старенький «москвич» чудом не воткнулся в грузовик на приличной скорости…

– Сиреной пугнуть? – не поворачиваясь к ней, сердито выдохнул водитель.

– Да ну, – сказала Даша. – Дотащимся… Вон, давай за серой «вольвой». Ага, вписались… Сорок пятый дом – это где пельменная?

– Нет, тот – сорок третий, – мотнул головой водитель. – Сорок пятый – где «Золотая лилия».

«Ага, – сказала себе Даша. – Кажется, что-то проясняется. Дело не в шикарнейшем магазине косметики с поэтически-ботаническим названием – всю эту пятиэтажку сталинских времен оптом скупила одна из строительных фирм, учинила в квартирах европейский ремонт и продала их уже поштучно и, как легко догадаться, гораздо дороже. Явного криминала в этой негоции вроде бы не прослеживалось, и то хлеб, меньше головной боли…»

Пожалуй, престижный адресок кое-что и объясняет: понятно теперь, отчего при подозрении всего лишь на убийство поднялся хай вселенский, на место происшествия, как донесла разведка, отправился начальник следственного отдела прокуратуры, а вслед за ним начальство повелело выехать и Даше. А что, вполне может быть – жертва (или – гипотетическая жертва) принадлежит к шантарскому бомонду, он же – хай лайф. Вот это уже – головная боль.

Фамилия, правда, совершенно незнакомая. Даша, закуривая, старательно повторила про себя: «Гражданка Лямкина Маргарита Степановна, двадцати шести лет…» Положительно, имя это ни с чем конкретным не ассоциировалось. Криминал… Важные чиновники… Пресса-радио-ящик… Нет, ни намека на ассоциации.

Увы, отсутствие ассоциаций и аллюзий ни о чем еще не говорит. Во-первых, Даша не могла знать по фамилиям все поголовно местное «новое дворянство», а во-вторых, как гласят газетные объявления, возможны варианты. Скажем, девичья фамилия у покойной другая, и громкая. А потом, в «дворянских» квартирах сплошь и рядом оказываются плебеи – проститутки, подельники, собутыльники. Кое-кто из них и отдает концы посреди новорусской роскоши – насмотрелись, плавали – знаем…

Шлюшка загнулась от передозировки? Беспутная доченька серьезного папы посреди веселой гулянки получила по башке устрашающе дорогой бутылкой? От безделья Даша лениво перебирала первые пришедшие в голову варианты, а водитель тем временем, проявляя чудеса эквилибристики на гололеде, ухитрился перестроиться в крайний правый ряд, откровенно подрезав маршрутное такси, под негодующий вой клаксона свернул вправо, на черепашьей скорости вполз под арку.

– Вон там, определенно, – сказала Даша, наклоняясь вперед и ощущая знакомый прилив охотничьего азарта. – У того подъезда. Узнаю прокурорский номерок на «Волге»…

Машин, впрочем, у подъезда имелось немного: черная «Волга» прокурорского орла Чегодаева, потрепанный штатский жигуль сыскарей, две милицейских машины в полной боевой раскраске. Стояло еще три, но номера были насквозь незнакомые: могли и не иметь никакого отношения к доблестным органам правопорядка, равно как и к доблестной конторе, за таковыми органами надзирающей…

– Мне ждать? – скучным голосом спросил водитель порядка ради, он и так прекрасно понимал, что ничего другого ему не остается.

– В яблочко, – рассеянно сказала Даша. – Кукуйте, ангел мой…

Она старательно застегнула куртку доверху, прежде чем вылезти из теплой машины под ледяной ветерок. Двое сержантов, торчавших у милицейского уазика, проводили ее заинтересованными взглядами, один явственно причмокнул. Не знали в лицо, обормоты, ежу понятно. Философски пожав плечами, Даша распахнула тяжеленную железную дверь с кодовым замком (по случаю печального происшествия незапертую), стала не спеша подниматься по лестнице, всем своим обликом вопиявшей о немалых денежках, угроханных на реконструкцию. На лестнице было тихо, никакой суеты, – следовательно, сыскари уже успели набегаться по соседям, сортируют добытую информацию…

У двери на третьем этаже скучал третий сержант, он бравенько кинулся наперерез Даше, как только сообразил, что она собирается войти.

– Девушка, вы, собственно, куда?

– Растем, надо же, – громко проворчала она. – Какие слова знают сержанты – «собственно»… Я, собственно, майор Шевчук. Комментарии будут?

Комментариев не последовало, сержант, надлежащим образом изменившись в лице, живенько посторонился. Даша на минутку задержалась, прислушалась: железный лязг доносился словно бы из стены, прокатываясь по ней снизу вверх.

– Сантехники стараются, – торопливо пояснил сержант. – На всю катушку. Из-за воды и раскрутилось…

– Ну-ка, ну-ка, – ободряюще кивнула Даша, прекрасно зная по прошлому опыту, что такие вот сержанты успевают вызнать все едва ли не быстрее производящих дознание. – Что там с водой?

– Кран в ванной был не завернут, – с готовностью поведал сержант. – Роскоши наворотили снаружи, а трубы в стенах остались старые, гнилые, вот к соседям снизу помаленьку и потекло. Начали колотиться, – он кивнул на дверь, которую охранял, – а там и этот тип приехал…

– Какой?

– Знакомый какой-то, его там давно допрашивают. В общем, вызвали участкового, подломили дверь, а она там мертвая…

– Ясно, – сказала Даша. – Бди дальше…

Распахивая дверь из натурального дерева, она вновь ощутила щекочущий прилив устоявшегося охотничьего азарта – и тут же вспомнила, что чувство это теперь сродни фантомным болям в отрезанной ноге. Она уже не гонялась за дичиной самолично, лишь трубила в рог и отдавала команды своре. И не могла понять до сих пор, лучше ей от этого стало или нет…

В прихожей явственно попахивало деньгами – но не шальными или запредельными, впрочем. По сравнению с ее собственной квартиркой хоромы были невероятно роскошными, зато масса новоруссов наверняка презрительно покривила бы губы, лишний раз сработав на авторитет Эйнштейна…

Мимоходом водрузив на вешалку шапку, вошла в комнату с высоченным потолком, где не заметила никакого беспорядка. Только пустая деревянная шкатулка солидных размеров валялась на ковре, и ее со всех сторон сосредоточенно обстреливал «блицем» незнакомый фотограф. Судя по тому, как он старался, шкатулка с распахнутой крышкой то ли играла невероятно важную роль в происшедшем, то ли была единственным осязаемым следом происшедшего (не считая трупа, понятно). Второе вероятнее.

Еще двое оперативников, знакомые (один из Славкиной группы, второй – прокурорский), бродили вдоль стен, явно приглядываясь, с чего сподручнее начинать обыск. За ними со страдальческим видом наблюдала пара средних лет, в которой и не особенно наметанный глаз с ходу бы определил соседей-понятых. Вид у парочки полностью соответствовал недешевому гнездышку – английский лорд с супругой, застигнутые непогодой и вынужденные коротать ночь в таверне для простонародья…

Дверь в другую комнату плотно прикрыта, но оттуда все же слышен возбужденный мужской голос.

– Где? – громко спросила Даша, поприветствовав всех кивком и таковые же получив в ответ.

Ей показали на дверь в кухню. Славкин оперативник добавил:

– И Чегодаев, и Лазаревич.

Даже Лазаревича приволокли, надо же… Определенно – головная боль…

На стенах Даша узрела несколько ярких картин и плакатов – невозможно было их не заметить, издали бросались в глаза химической яркостью колеров, – но не было пока времени на праздное любопытство. Она торопливо прошла на кухню, где клубился сигаретный дым, нехотя выползая в распахнутую форточку, поскольку смолили все четверо присутствовавших там индивидуумов: Чегодаев из прокуратуры, престарелый судмедэксперт Илья Лазаревич, привлекавшийся в особо важных случаях, и двое мрачных амбалов в грязно-белых халатах – конечно же, санитары.

Даша приятно улыбнулась Чегодаеву. В прошлом году она имела в его кабинете тягостную беседу, до самого конца не зная, уйдет свободно или ее выведут под конвоем, но особого зла на прокуратора не держала. Все они были из той псарни, где собачки собраны исключительно кусачие…

– Труп не трогали? – спросила Даша с ходу.

– Ждали вас, Дарья Андреевна, – облегченно вздохнул Чегодаев. – В последний раз, на деле Митрохина, ваши люди устроили чуть ли не истерику из-за нарушения ложа трупа… Илья Лазаревич лишь легонько пальпировал затылок, не меняя положения тела… У вас нет претензий?

– Никаких, – сказала Даша.

Невооруженным глазом видно, что Чегодай пребывал в самом что ни на есть мерзейшем настроении. Ну и ладно. Даша не собиралась устраивать мелкую склоку. Она молча повернулась, вышла, пытаясь на ходу угадать, какая из двух бледно-кремовых дверей ведет в ванную.

– Левая, – подсказал Чегодаев, нетерпеливо дыша в спину.

Подметив, что свидетели-понятые непроизвольно отвернулись, Даша потянула дверь, не испытав ни малейших эмоций.

– Разумеется, прежде чем Илья Лазаревич немного осмотрелся, труп сфотографировали, – сказал Чегодаев.

– Высший пилотаж, конечно… – пробурчала Даша под нос, озираясь.

Тот редкий случай, когда нарушить ложе трупа при всем желании трудновато, потому что этим ложем стала белоснежная ванна, а видимых повреждений на теле мертвой женщины не видно.

Даша наклонилась. Очень светлая, определенно крашеная блондинка лежала на спине в позе почти что непринужденной, вот только правая рука нелепо подогнута. Лицо совершенно спокойное, уже стянуто той не определимой словами маской, которая позволяет понимающим людям кое-что определить с ходу, не прикасаясь… Но для порядка Даша все же коснулась холодной руки. Выпрямилась:

– Часов несколько, господа мои, а?

– Пять-шесть как минимум. – Сухонький старичок Илья Лазаревич решительно протиснулся мимо Даши, попытался приподнять согнутую руку блондинки. – А то и поболе, определенно поболе, ежели вы старого еврея держите за эксперта, а не последнего одесского поца…

Даша мгновенно насторожилась. Бывший одессит, изъяснявшийся по-русски лучше и красивее ее самой, в одном-единственном случае начинал шпрехать классическим одесским говорком: когда дело было крайне серьезное и то, что представало взору, решительно расходилось с профессиональным опытом старого эскулапа.

– Как все было? – спросила Даша, слегка сощурившись – белейшая ванная (лишь кое-где кафельные плитки тронуты бледно-золотистым узором) резала глаз. Мелькнула этакая цинично-сюрреалистическая мысль: именно в *эту* ванную самым эстетичнейшим образом вписывался труп белокожей блондинки. Впрочем, всяк мог наглядно убедиться, что родилась блондинка рыжей, но это уже детали…

– Трубы проржавели, – сказал Чегодаев. – Часов в двенадцать дня в квартире снизу начал протекать потолок. Тамошние жильцы часа два пытались достучаться, примерно в четырнадцать двадцать приехал гражданин Гуреев, закончилось все вызовом участкового и вскрытием квартиры…

– Это я уже знаю, – сказала Даша. – Из ванны протекало? Пробки в сливе не вижу…

– Нет, текло в раковину.

– А предварительные версии?

– Видите мыло в ванне?

– Где?

– Во-он, краешек виднеется из-под левого бедра…

– А, да…

– Определенно была пьяна, запашок уловите, если поближе нагнетесь. Даже не пьяна – похмельный такой запашок, перегоревший.

В кухне на столе бутылка вина. Откупорила, приложилась как следует прямо из горлышка и полезла в ванную, разбрасывая одежду как попало. Пустила воду в раковину, залезла в ванну, поскользнулась на куске мыла… Перелом шейных позвонков. Случается.

– Случается, – эхом повторила Даша, озираясь. В самом деле, на полу полный набор – трусики, платье, колготки… Вино плещется в голове, нога подвернулась, затылком о край ванны – вещь житейская. С лицами обоего пола случается. Правда, иные умельцы шейные позвонки и ребром ладони ломают.

Она вновь взглянула в кукольное мертвое личико, отчего-то неуловимо знакомое. Встречались вживе? Или все же – известная персона? Чертовски на кого-то похожа, вот только на кого?

– Значит, бытовая травма? – спросила Даша, прикрыв дверь перед носом нетерпеливо топтавшихся санитаров. – Отчего же тогда милейший Илья Лазаревич так старательно изображает джентльмена с Ланжерона?

– Поскольку тут есть несколько маленьких несообразностей, – сказал старик, нагнулся, почти заботливо подсунул ладонь под голову мертвой. – Я не берусь вам с маху делать гениальные умозаключения, но отчего-то перелом шейных позвонков мы в наличии имеем, но не имеем сопутствующих травм вроде деформации черепа. Грянувшись так вот с маху, человек

не только сломает шею, но и затылок проломит скорее качественно, чем нет. А у нас, кроме перелома позвонков, ничего и не прощупывается. Конечно, будем еще смотреть… Но я бы на вашем месте призадумался всем вашим молодым интеллектом. Ну как, мне уже можно?

– Приступайте, – сказала Даша, – Отпечатки уже снимали? У нее подушечки пальцев в краске…

– Только с правой руки, – кивнул Чегодаев. – Очень удобное положение, не понадобилось трогать труп…

Даша распахнула дверь, кивнула санитарам:

– Валяйте.

Вернулась в кухню, не прикасаясь, оглядела бутылку: вино качественное, не из слабеньких, отпито не менее трети, по похмельным мозгам должно было стукнуть неплохо…

Чегодаев вошел следом. Даша, не оборачиваясь, спросила:

– Пропало что-нибудь?

– Неизвестно еще. Ни следов борьбы, ни беспорядка. Разве что шкатулка посреди комнаты, но она ее с тем же успехом могла спьяну сбросить сама… На бутылке только ее отпечатки, никаких сомнений…

– Здорово, – сказала Даша задумчиво. – Это, значит, успели в молниеносном темпе сравнить? А откуда такая оперативность? Она что, губернаторская дочка?

– Вы ее не узнали? – хмуро спросил Чегодаев, нацеливаясь извлечь из мятой пачки очередную сигарету. Даша прекрасно знала его манеру давить окурочки – именно его «бычки» составляли чуть ли не половину содержимого пепельницы.

– А что, я должна ее знать?

Чегодаев страдальчески поморщился, не поднимая глаз. Грузно сидел в распахнутом пальто на изящном табурете и молчал. Даше понемногу становилось неуютно. Она напомнила себе, что перешла уже из сыскарей в начальники и орать за неуспехи будут на кого-то другого, на Славку в первую очередь. Легче не стало. Во-первых, Славка – старый друг и соратник, а во-вторых, свою порцию выволочки непременно огребет и Даша, разве что в другой упаковке.

В ванной негромко переговаривались, послышался знакомый шум – ворочают тяжелый предмет, строго определенный.

В голове кое-что забрезжило. Ассоциации улеглись на законное место, как кусочки головоломки. Как-никак она порой и телевизор смотрела, и о культурной жизни града Шантарска имела представление, пусть пещерное…

Платиновая крашеная блондинка, кукольное личико. И – картина на стене, а рядом с картиной…

Даша вышла в комнату, жестом велела коллегам не обращать на нее внимания. Остановилась перед ближайшей картиной – тем самым портретом, ядовитыми красками и всем стилем смахивавшим на иноземную рекламу какого-нибудь паршивого шоколада, – у них там в таких случаях и к кисточке никто не прикасается, все ляпает компьютер. А вообще, похоже на нетленные полотна Бориса Валеджио, чьи репродукции отчего-то полюбились сыскарям помоложе и красуются кабинетах в трех. Даша тоже купила себе одну в прошлом месяце – без трупно-зеленых драконов, с рыжей, почти голенькой амазонкой, лихо махавшей затейливым мечом. Кое-кто говорил, что она на Дашу определенно смахивает.

Здесь на переднем плане расположилось как раз чудо-юдо – слава богу, не зеленое, золотисто-серое. Незнакомый зоологам ящер недружелюбно оскалился в сторону зрителя, а за спиной у него, скрытая по колено могучим чешуйчатым хвостом, расположилась хозяйка квартиры, лежавшая сейчас мертвой в белоснежной ванне. Голенькая, конечно, волосы распущены, ладонь лежит на чешуйчатой спине, взгляд не вызывающий, скорее умиротворенный: «Попробуй-ка меня обидеть, пока я возле этой зверушки стою…»

А рядом с картиной – огромный, многоцветный плакат. На ярко освещенной синеалыми огнями небольшой эстраде изогнулась в весьма прельстительной позе та же самая женщина, покойница: микрофон в руке, коротенькое платьице обнажает аппетитные ножки и смачный бюст, сверкают зубы, волосы после лихого пируэта стелются за левым плечом…

А имя и фамилия – вот они, пропечатаны огромными буквами.

– Мать твою… – прошипела Даша сквозь зубы.

Ничего удивительного, что фамилия показалась ей незнакомой. Она и была незнакомой, Даша ее в жизни не слышала, как многие тысячи других шантарцев. В самом деле, «Лямкина» звучит совершенно по-деревенски, любая на месте убитой озаботилась бы срочными поисками благозвучного и красивого сценического псевдонима… Примеров масса.

Маргарита Монро, звезда шантарской эстрады номер один. Женщина, беззаветно влюбленная в Мерилин Монро, – даже до Даши доходили слухи о прямо-таки патологическом стремлении Риточки вылепить из себя двойника голливудской дивы. Псевдоним, прическа, цвет волос, старательно скопированные со старых снимков Мерилин платья – как утверждали злые языки, с регбистом из шантарского «Шемрока» Маргарита-дубль крутила пару месяцев роман исключительно оттого, что первая Мерилин когда-то вышла замуж за тамошнего спортсмена. По тем же слухам, в последнее время Монро-два в подражание кумиру намеревалась обзавестись любовником-драматургом, беда только, что среди практикующих шантарских драматургов не было ни одного моложе семидесяти (а один вдобавок и вовсе педераст)…

«Вляпались», – подумала Даша с безнадежной тоской. Маргарита Монро – сие означает массу знакомых среди самого неожиданного народа, рехнешься, вычерчивая схемы и составляя списки. Ресторан «Золото Шантары», где покойная, главным образом, подвизалась определенной группировкой не контролируется, вовсе даже наоборот – исполняет функции этакой ничейной земли, нейтральной территории, где по неписаному уговору запрещены разборки и сведение счетов. Но от этого не легче, наоборот, умножает число версий и гипотез, несказанно и однозначно.

Даша вернулась в кухню, присела на изящный табурет под пару тому, что приютил Чегодаева, потянула из кармана сигареты.

– Прониклась? – спросил Чегодаев скорее сочувственно.

– Прониклась, – кивнула Даша не без злорадства. – Крайних тут не будет, прокуратура непременно удостоится своей доли выволочки.

– Вообще-то, еще не факт, что ее грохнули…

– Не обольщайтесь, – сказала Даша сердито. – Вы что, нашего одессита не знаете? Раз он вслух сказал про несообразности – значит, уверен, что несообразности есть. И в самом деле, когда так грохаются головой о край ванны, в первую очередь проламывают череп, а уж потом, далеко не всегда, ломают шейные позвонки… Постоянное присутствие в квартире какого-нибудь хахаля, часом, не обозначено?

– После беглого осмотра не прослеживалось, – сказал Чегодаев хмуро. – Только женские шмотки. А по ящикам еще не лазили, только начинают. К ней тут ходила девчонка, нечто вроде приходящей горничной, за ней с полчаса как поехали. На Монтажную.

– При сегодняшнем гололеде привезут часа через два, даже если она дома. До Монтажной свет не близкий.

– Вот именно… У вас на нее ничего не было?

– Не припомню что-то, – сказала Даша. – Нет, не должно. Вот в качестве «близкого окружения» она кое-где да упоминается. Колдуна хотя бы взять. Правда, Колдуна уже не допросишь, разве что через спиритическое блюдечко… Вы в спиритизм верите?

– Не верю, – буркнул Чегодаев.

Слышно было, как в квартиру кто-то вошел, прошествовал в дальнюю комнату – видимо, Славкины ребята пришли докладывать. А следом новые шаги, уверенно-целеустремленные…

– Еще опера приехали, – сказал Чегодаев, заметив ее непроизвольное движение. – Обыскать нужно как следует…

– А что, у *вас* что-то на нее есть?

– Нема, – отмахнулся Чегодаев. – Просто… Сама ведь понимаешь: с нас в любом случае спросят по высшему разряду, неважно, убийство тут или бытовичок. Так что стоит подсуетиться.

– Оно конечно, – согласилась Даша.

Приподнялась и выглянула, слегка приоткрыв кухонную дверь. В комнате уже старательно трудились четыре человека, свято исполняя завет знаменитого французского криминалиста Эдмонта Локара. «Первые часы розыска неоценимы, ибо уходящее время – это улетучивающаяся истина», – учил один из отцов-основателей. В чем, как и положено отцам-основателям, был совершенно прав. Сановитые понятые, правда, о Локаре слыхом не слыхивали – иначе не взирали бы со столь брезгливой отрешенностью на методично работавших оперов.

– Хорошо еще, журналисты пока не пронюхали, – сказал Чегодаев.

– Уж это точно, – кивнула Даша.

Делать им обоим в силу своего положения было совершенно нечего – приходилось сидеть и ждать подвижек. Чегодаев, понятно, с этим свыкся, но вот Даша порой ощущала во всем теле чисто рефлекторный зуд – до сих пор чуточку диковато было сознавать, что ей самой нет нужды носиться по этажам. Слишком мало времени прошло с момента ее водворения в убогоньком, но все же отдельном кабинете, каковой ее ничуть не радовал, откровенно-то говоря. В новом назначении чересчур много было от слепой игры Фортуны, от тухленьких бюрократических игр. После прошлогоднего ордена, новой звездочки на погонах и сопутствующей газетной шумихи Рыжая, что называется, попала в струю. В старые времена сказали бы – стала примером для строителей коммунизма. И, как в старые времена, в каком-то из высоких кабинетов было решено, что перспективного офицера следует поощрить избитым способом – приподнять на пару ступенек, посадив в отдельный кабинет. Вот и получился свежеиспеченный заместитель начальника уголовного розыска города. Черт-те что получилось, честно признаться. Одним махом перешла в *иную* категорию – пусть микроскопического, но начальства. А сие автоматически вовлекает тебя в сложную систему отношений, хочешь ты того или нет: кто-то моментально преисполняется зависти, для кого-то ты союзник исключительно в силу занимаемого тобой кресла, для кого-то по тем же причинам – враг. Плюс – разнообразные аппаратные игры. Плюс – вполне естественное недовольство выскочкой… Господи, масса вариантов, коллизий и подводных камней! Мизантропом становишься в считанные недели…

Дверь она не закрыла в видела, что обыск движется по накатанной колее. Собственно, с точки зрения строгой юриспруденции, это был не обыск, а осмотр места происшествия, но разница, право же, невелика.

Даша, не сдержавшись, фыркнула.

– Что такое? – встрепенулся Чегодаев.

– Да вспомнила сейчас… «Закон двенадцати таблиц предписывает, чтобы при производстве обыска обыскивающий не имел никакой одежды, кроме полотняной повязки, а в руках держал чашу».

– Это еще откуда?

– Двенадцать таблиц, – сказала Даша. – Первый свод законов Древнего Рима. Шестой век до нашей эры.

– Вот и попробовали бы, – сварливо сказал Чегодаев. – В полотняной повязке и с чашей в руке…

– Понятые рехнутся, не говоря уж о начальстве.

– Это определенно…

Оба ощущали все то же тягостное неудобство – им не находилось занятия, а уходить нельзя.

– Вы хорошо рассмотрели картину? – спросил Чегодаев. – Это картина, там в углу даже есть закорючка… Писано явно с обнаженного оригинала, с наглядным знанием фигуры.

– Строите версию? – осведомилась Даша. – Мастер не ограничился нетленным полотном, а возжелал оригинала, а оригинал стал ломаться, и вот… Или нам сюда ревность пристегнуть?

– Просто пытаюсь занять чем-то мозги, – честно признался Чегодаев.

– Понятно… Судя по тому, что я слышала, оригинал не особенно стал бы ломаться. Вы историю с фотоальбомом знаете?

– Нет. Что там?

– Да ничего особенного, – сказала Даша. – *Нашей* мисс Монро сто раз предлагали попозировать для художественных фотографий, но девочка была расчетливая и весьма умело выждала момента, когда ей предложили составить альбомчик для узкого круга ценителей, а не толпы, причем за весьма кругленькую сумму. Я от орлов из налоговой слышала – денежки ей выдали черным наликом, только вот концов то ли не нашли, то ли не захотели толком искать. Ну, а такая картина и альбом для узкого круга – явления одного порядка, правда? Тоже пытаюсь чем-то занять мозги…

Хмыкнула про себя – редко случалось, чтобы она с одним из представителей славной прокуратуры сидела в столь трогательном единении. Никто не давил друг на друга, никто не уворачивался, не зажимал информацию – пастораль… Хрупкая недолговечная идиллия.

– А вообще-то, она неплохо поет… пела, – сказал Чегодаев. – Дочка все кассеты собрала. «Бессонница» мне самому нравится. Вот только этот творческий народ ужасно неразборчив в связях…

– Давайте будем оптимистами, – сказала Даша. – Лазаревич все же не бог, могла и по пьянке приложиться…

Чегодаев глянул на нее цепко, понятливо. Даша прекрасно понимала и ход его мыслей, и таивший массу оттенков взгляд. Всякое в жизни случается, порой нет нужды скрывать или фальсифицировать улики – достаточно просто-напросто искать *плохо*. Иногда от тебя этого и требуют – чтобы ты искал плохо, не более того. Нюанс немаловажный для профессионала.

В комнате, явно игравшей роль гостиной, все шло своим чередом – как положено, всякий извлеченный из секретера предмет предъявляли понятым (а те со страдальческими улыбками морщились, то и дело вознося очи горе).

– Смотрите-ка, золотишко на стол складывают, – сказала Даша. – Ограблением не пахнет.

– Тут с первого взгляда было видно, что ограблением не пахнет, – откровенно огрызнулся Чегодаев. – Кроме шкатулки на полу, порядок идеальный. Кстати, насчет наркотиков у вас на нее ничего нет?

– Не слышала, – осторожно сказала Даша. – Вряд ли кто-то стал бы фиксировать в документах. Специфика. Помните в Москве, дело Витухновской? Вмешалась отечественная интеллигенция вкупе с зарубежной и в два счета разъяснила следствию: если цыган торгует наркотиками, то это наказуемо, а ежели порошок толкает поэтесса, то ей это вроде бы даже и положено, творческого процесса ради…

– Вообще-то, там многое не доказано…

– А я от муровских знакомых слышала, что дело было верное.

Она встрепенулась, увидев, как распахнулась дверь ванной. Понятые старательно отвернулись. Показался Илья Лазаревич с закатанными по локоть просторными рукавами белого халата. Лицо у него было крайне многозначительное, и Даша обреченно вздохнула.

Старик прошел в роскошную кухню, старательно притворил за собой дверь, принялся протирать извлеченным из кармана огромным пестрым платком влажные руки. Некоторую любовь к театральным эффектам он питал всегда (в юности даже, по слухам, пытался попасть в театр Мейерхольда, но не принял привычки Мейерхольда держать на столе маузер и убрался себе восвояси).

Слухам про Мейерхольда она не верила, поскольку была сыскарем и умела сопоставлять даты. Когда Лазаревич достиг отроческих лет, Мейерхольд уже остепенился от угара первых революционных лет и маузера на столе не держал…

– Ну? – спросила Даша.

– Конечно, мне еще скажут веское слово за рентген и скальпель патологоанатома, – сообщил старик. – Но что касается до общего и целого… Дашенька, вы таки можете меня зарезать, как Юдифь Олоферна, но я буду стоять на том убеждении, что никаких других травм, кроме перелома шейных позвонков, сии останки не содержат. Объектов, непочтительно именуемых «жмуриками», ваш старый еврей повидал на самую малость поменьше, чем Ротшильд – золота, а уж сколько повидал Ротшильд золота, вы себе немного представляете…

– Убийство? – тихо спросила Даша.

– Вот это уже ваша забота, Дашенька, – пожал плечами старик. – Я вам говорю за одно то, что, с точки зрения медицины, у нее *обязаны* быть травматические повреждения черепа, коли уж она грянулась во весь рост, поскользнувшись на мыле… Но я не нахожу ни малейших.

– Все-таки женщина, – сказал Чегодаев. – Роскошная грива густых волос, могла смягчить…

– И все равно – ни малейшей гематомочки не прощупывается. А должно бы, иначе – не сидеть мне в синагоге у восточной стены…

– А причем тут восточная стена? – угрюмо спросила Даша.

– При том, Дашенька, что она в синагоге самая почетная, чтоб вам было известно…

– Ну ладно… – сказала она ничуть не веселее. – Пусть еще патологоанатомы посмотрят, в самом-то деле… Как насчет времени смерти?

– Хоть я и не бог, но предположительно скажу – от восьми до десяти часов назад.

– Меж четырьмя и шестью утра?

– Примерно.

– А как насчет изменения позы трупа? – вмешался Чегодаев.

– Вряд ли таковое имело место, – сказал старик, садясь. – Я вам все подробно напишу, а бедняжку можно увозить… Ничего не имеете против? – Он облегченно откинулся к стене, полузакрыв глаза. – Ф-ф… Годы все-таки неприятная вещь, когда их много.

Даша переглянулась с Чегодаевым. По совести говоря, она все же не считала старого эксперта истиной в последней инстанции, несмотря на весь его опыт, но вслух, конечно, ничего подобного не сказала бы.

– И еще, – сказал старик, полуоткрыв глаза. – Ноготки у нее красивые, длинные, ухоженные, но парочка обломана совершенно неприглядным образом, а под ногтями, под всеми практически, какие-то частички, ничуть не похожие на обыкновенную неряшливую грязь. Я там старательно собрал в конвертик, сколько удалось. Больше похоже на волокна ткани. Конечно, и это ничего не доказывает, однако…

– Ладно, – сказала Даша. – Меж четырьмя и шестью утра?

– И никак не позже шести, если ваш старый еврей хоть капельку соображает насчет покойников…

Глава вторая
Суета и сюрпризы

– Ну ладно, – сказала Даша. – Увозите тело, если прокуратура не против… (Чегодаев движением головы дал понять, что против ничего не имеет.) Схожу посмотрю, что там делается…

В комнате сноровисто продолжали обыск, он же – осмотр. Ловко обогнув занятых делом людей, Даша распахнула высокую дверь из натурального дерева, определить которое с ходу не смогла, да и не пыталась забивать голову такой чепухой.

И оказалась в роскошной спальне, выдержанной в золотисто-багряных тонах, со светлой мебелью. В глаза прежде всего бросалась не обстановка, а огромные цветные фотографии числом не менее дюжины, красовавшиеся на стенах, где только возможно. Мерилин во всех видах, конечно. Самая большая Мерилин, в натуральную величину, пожалуй, украшала собою стену – стояла с ослепительной улыбкой в каком-то фантастическом платье, облегавшем, право слово, как вторая кожа. На миг взыграли чисто женские инстинкты, и Даша залюбовалась чудом портновского искусства, всерьез гадая, из чего оно может быть сочинено.

Самая маленькая Мерилин представляла собой фото величиной с открытку, стоявшее в рамке на ночном столике. Рамка, сдается, серебряная. Там Мерилин выглядела спокойной, чуточку усталой, не улыбалась, а просто смотрела на зрителя так, словно хотела сказать что-то вроде: «Ну и вот она я, какая уж есть…»

Тренированный сыщицкий взор сразу подметил несообразность, и тут же стало ясно, в чем она заключается: одна из Мерилин, в джинсах и вишневой блузке, стояла, положив руку на капот вишневого, в тон блузке, «мерседеса», и мерс был чуть ли не самой последней модели. Меж тем даже Даше было известно, что Мерилин-оригинал то ли покончила с собой, то ли была убита больше тридцати лет назад. Не было тогда таких мерсов и быть не могло.

Ну разумеется, на этом снимке – Мерилин-дубль. Сходство и в самом деле потрясающее. Даша попыталась определить, где заснят оригинал, а где дубль, но на других снимках не было столь явных подсказок, и она оставила это пустое занятие. Отметила лишь идеальный порядок в спальне, вздохнула и направилась в самую дальнюю комнату.

Славка сидел лицом к двери, по старой привычке, а напротив него вполоборота к Даше помещался невысокий мужичок, этакий джинсовый мальчик лет пятидесяти, лысоватый и крепкий, но тенорком напоминавший скорее подростка в период алых прыщей и полового созревания. Он возбужденно толковал что-то, не обратив на Дашу ни малейшего внимания, торопился, глотал слова, помогал себе отчаянными жестами обеих рук. Даша остановилась в дверях, вытащила блокнот с отрывными листами и принялась энергично черкать.

– …потому что лечить от алкоголизма – это всегда палка о двух концах, бабушка надвое сказала, и вообще, все, кого я знал, кто завязывал, потом развязывали так, что небу становилось тошно, или как там говорится – жарко, да?

– Да вроде бы, – отделался универсальной фразой Славка, вопросительно подняв взгляд на Дашу.

Она шагнула вперед и показала Славке верхнюю страничку блокнота, держа так, чтобы не рассмотрел джинсовый мальчик. Там был изображен череп с костями, увенчанный вопросительным знаком, а пониже крупно выведено: «4-00 – 6-00». Череп согласно их давнему нехитрому коду обозначал предположительную насильственную смерть. Будь смерть естественной, вместо черепа красовался бы крест.

Славка чуть заметно дернул бровью, его равнодушное участие к собеседнику вмиг сменилось мгновенным острым интересом, чего собеседник заметить не мог, а вот Даша определила сразу – слишком долго проработали бок о бок.

Тут только джинсовый заметил Дашу, воззрился без всякого интереса, с видом невыразимой печали. Первые впечатления бывают и обманчивы, но вот страха в нем Даша вроде бы не чуяла, взвинчен и печален до предела, но испуг вроде бы не просматривается…

– Начальство, – сказал Славка собеседнику, показав глазами на Дашу.

В глазах у того не появилось ни любопытства, ни мужского интереса. «Как бы не расхныкался, – подумала Даша, садясь в уголке, – полное впечатление, слезу сейчас пустит…»

– Гражданин Гуреев, – сказал ей Славка. – Менеджер… покойной.

– Сердце? – пискливо выговорил гражданин Гуреев, уставясь на Дашу отрешенно и тоскливо.

– Простите?

– У нее что, сердце отказало?

– А сердце было больное? – спросила Даша.

– Сердце было здоровое, только если пить такими дозами, и у быка будет инфаркт…

– Крепко закладывала?

– Ага. И старательно. – Он схватился за голову. Странно, но в этом жесте не было ни капли дурной театральности. – Сразу надо было ехать, может, и откачали бы…

– Простите? – повторила Даша.

– Я рассказывал уже… – Он кивнул на Славку и без перехода зачастил истеричной скороговоркой: – Я ей позвонил в час, когда уже прошли все сроки… Нам же надо было ехать записываться, а студия сейчас стоит бешеные деньги… Она меня послала и далековато, бросила трубку, я опять позвонил, она опять послала, по голосу видно было, что после позавчерашнего… Я больше не звонил, а минут через сорок поехал, хотел, извините, оттаскать на матах, приезжаю – а на площадке сущий митинг, потому что Ритка успела затопить нижнюю квартиру… Ну, и потом… – он сморщился, прямо-таки скрючился.

– В час? – громко переспросила Даша.

– Ну, минут в пять второго… Не позже.

«Хорошенькие дела», – подумала Даша не без смятения.

– Извините, – сказала она. – А вы уверены, что это была… Маргарита?

– А кто ж еще?

– Ну, может, вы номером ошиблись?

– У меня ее номер в памяти. В телефонной памяти. Она мне оба раза ясно сказала: «Пошел ты, Робик, со своей записью…» Какие тут ошибки?

– А голос был точно ее?

– Я, знаете, не анализировал, – впервые огрызнулся осиротевший менеджер. – Обычный Риткин пьяный голос, вот и все. Не могла же это быть Нина?! Я про горничную…

– Понятно, – сказала Даша, чувствуя нехорошую сухость во рту. – Продолжайте, я не мешаю…

Не было особенного продолжения. Славка, задав несколько абсолютно ненужных вопросов, довольно мастерски съехал на единственно важный сейчас: где гражданин Гуреев пребывал с трех часов ночи до семи утра? Последний без малейших колебаний и промедлений сообщил, что домой вчера приехал около одиннадцати вечера и часов до двух дня, пока не поехал материть беспутную подопечную, пребывал в кругу семьи, состоящей из супруги, двух детей и бассет-хаунда, не названного им по имени.

Не было смысла возиться с ним и далее. Решительно встав, Даша кивнула Славке:

– Пойдем покурим? Вы пока здесь посидите, простите, не знаю…

– Роберт, – сказал он отрешенно. – Роберт Петрович. Так все-таки сердце?

– Ох, не знаю, – сказала Даша. – Там еще доктор колдует… Вы тело, кстати, не трогали?

– Я ее только взял за руку, смотрел пульс, а потом участковый меня оттер, почти сразу же…

Даша внимательно осмотрелась и, убедившись, что в комнате нет телефона, а из кармана у безутешного менеджера не торчит ничего, напоминавшего бы сотовик, вновь решительным кивком поманила Славку. Первой вошла в спальню, оказавшись под перекрестными взглядами дюжины настоящих и поддельных Мерилин. Придвинула блиставшую чистотой хрустальную пепельницу, сказала:

– Похоже, имеем головную боль…

Лицо у верного сподвижника было сосредоточенно-злое – Даша прекрасно знала это выражение.

– Точно – шесть утра? – спросил он тихо.

– От четырех до шести, – сказала Даша. – Лазаревич может ошибаться, но не настолько…

– И – не сердце?

– Перелом шейных позвонков, – сказала Даша. – Что интересно, без иных сопутствующих повреждений. Последнее слово за патологами, и все же… Когда старик нас подводил?

– Ну, тогда получается совсем интересно, – сказал Славка. – Роберт клянется и божится, что покойница его дважды послала матом посредством телефона, и как раз после тринадцати ноль-ноль. Между прочим, если это все же мокрушка, Роберту она невыгодна в первую очередь – он работал совсем по-западному, на проценте, а процент был жирный…

– Это, вообще-то, ничего еще не доказывает, – сказала Даша. – Может, там безответная роковая страсть и фатальная ревность…

– Да все возможно, конечно. Сергей поехал к нему на хату, порасспрошать порядка ради… Только это не самое интересное, Даш. – Он извлек из просторного кармана пуховика белый конверт из плотной бумаги, двумя пальцами вытащил несколько фотографий. – Глянь. Пальчики с них уже сняли, так что давай смело…

Даша машинально, порядка ради пересчитала полароидные фотографии – шесть. Все они с небольшими вариациями являли один и тот же сюжет: перед объективом бездарно позировала подогретая спиртным компания, состоявшая из подрастрепанной Маргариты Монро в синем вечернем платье с разрезом сбоку и символическим декольте, а также трех не менее поддавших личностей мужского пола в хороших костюмах с полуразвязанными галстуками. Фотографировал все время кто-то из трех кавалеров – этот вывод Даша сделала довольно быстро, кого-то одного постоянно недоставало на снимках, тут и стажер сообразит…

Судя по декорациям, пиршество имело место быть то ли в шикарной новорусской квартире, то ли на не менее роскошной даче – в кадре постоянно маячили то угол мраморного камина, то огромный ковер с развешанными на нем в художественном беспорядке саблями и шпагами, то высоченное окно, задернутое собранной в идеальные дугообразные складки синей портьерой – вульгарное определение «штора» вряд ли тут подходило. Да и уставленный недешевыми бутылками стол являл собою чудо заграничного мебельного мастерства.

Вот только компания, надо сказать, выглядела не в пример примитивнее, нежели окружающая роскошь. Фантазии у гуляк не было никакой: то Маргарита сидит на коленях у кого-то из троицы, зазывно обнажив ножку, то оба собутыльника восседают на мягких подлокотниках ее кресла, приняв позы, казавшиеся им великосветскими и мужественными. Обычный дешевый выпендреж. Никакой тебе икебаны. Только один снимок носит следы потуг на художественность: восседающий одесную от певицы субъект держит у самой ее лебединой шейки сверкающий охотничий нож устрашающих очертаний, а Маргарита закатила глаза в комическом ужасе. Что до сидящего слева, лицо у него скорее скучающее – как и на всех

прочих снимках, впрочем, сразу видно, что он, в отличие от остальных, присутствует на пирушке скорее по обязанности.

Одним словом, иллюстрация к анекдотам про убогость воображения у новых русских, да и только. С единственным немаловажным для Даши уточнением: двух мужчин она никогда прежде не видела, можно утверждать со всей уверенностью, а вот третий был не просто знаком – последние два месяца без особого рвения, но и без нареканий исполнял роль ее агента-информатора в губернской управе. Каковую роль взвалил на свои отнюдь не хрупкие плечи отнюдь не добровольно. История банальнейшая: нечистого на руку и иные оконечности организма субъекта подловили на горячем и поставили вопрос ребром, предложив незатейливую альтернативу: либо чалиться на нарах, либо с оформлением надлежащей подписки оставаться в прежнем качестве, добавив к своим обязанностям функции стукача. Или, благолепия ради, негласного сотрудника – всякий знающий опер старается своих «подметок» не обижать и не оскорблять неподобающими терминами…

Про то, что этот тип работает на нее, Славка не знал. Согласно заведенным исстари правилам игры – каждый знает лишь своих информаторов, исключения редки…

– Ну и? – спросила Даша, отложив снимки.

– Знаешь кого-нибудь?

– Только Марго, и ту заочно. А ты?

– Аналогично, – сказал Славка без малейшей заминки. – Видишь ли, вот этот, – он взял фотографии и ткнул пальцем в субъекта со шварценнегеровским клинком, – засветился возле данной квартирки аж дважды. Часу в четвертом утра именно он привез Маргариту домой и транспортировал до двери, а может, и до постельки. Задачка была нелегкая, поскольку Маргарита была игрива, веселее некуда, распевала шансоны на весь подъезд, орала от избытка чувств и все такое прочее…

– Откуда столь блистательная компра?

– Понятых видела? Соседи напротив. Они его и срисовали по фото. Доченька у них, понимаешь ли, погуливает со всем пылом юности, вот и вчера исчезла без предварительных уведомлений, они на каждый шорох в подъезде выскакивали. Точнее, выскакивал один папаша, поскольку мамаша пребывала в полуобморочном состоянии… Вот. А где-то около половины первого, дня понятно, папаша отправился выгуливать собачку и вновь узрел данного субъекта – он не ручается, что субъект *выходил* из квартиры Марго, просто-напросто спускался по лестнице аккурат перед собаковладельцем… Такое вот кино. И если смерть воспоследовала меж четырьмя и шестью, то этого деятеля с ножичком нужно срочно вычислять, а там и в гости волочь… А?

– Да уж. Со всем усердием волочь… – кивнула Даша. – Ну, а беспутная дочка-то нашлась?

– Ага. Заявилась часа в два, получила выволочку, дома сидит… Короче, фотки я забираю и размножаю.

– Валяй, – сказала Даша. – Что там насчет знакомых, друзей и связей твой Роберт поет?

– Рехнемся список составлять.

– Понятно… – она придавила окурок и подняла глаза на верного сподвижника. – Ну, а если Роберт не врет насчет двух своих звонков, кто ему мог отвечать пьяным женским голосом, да еще выдавать себя за Марго, причем в то время, когда Марго этот мир давно покинула? Интересный вопросик, а?

– Да уж…

– Что там за горничная на горизонте?

– Уже поехали за горничной, Роберт дал наводку. Девка как девка, студентка, кажется. В обнаженном виде весьма даже неплоха.

– Из чего вытекает?

– Любуйся, – Славка извлек новую фотографию, побольше размером. – Вообще-то, это странно немножко, Марго в розовой любови вроде не подмечена…

Зрелище было пикантное – Маргарита Монро, грациозно положив ножку на ножку, восседала в том самом золотистом кресле, где сейчас сидела Даша. Из одежды на ней наличествовали лишь серьги, браслет и массивная золотая цепочка, а на подлокотнике, приобняв певицу за лебединую шею и с обаятельной улыбкой уставясь в объектив, устроилась темноволосая девчонка несколькими годами моложе, одетая еще скупее (цепочка не в пример тоньше и колечко поскромнее).

– Гоняшка? – спросила Даша.

– Она. Обе чуток поддавши, а?

– Похоже, – сказала Даша, огляделась. – Фотоаппарат был расположен высоковато… слушай, похоже, никто его в руках не держал, а стоял он во-он на той полочке, где ваза. – Она встала, подошла к полке, обернулась. – Точно. Автоспуск, надо полагать. Скажи ребятам, пусть на фотоаппарат обратят внимание, если найдут, конечно… Мало нам кабака «Золото Шантары», который замучишься отрабатывать, мало нам массы друзей и связей в самых неожиданных сферах, тут еще и лесбос замаячил… А ежели…

В дверь деликатно, но громко постучали. Выйдя в другую комнату, Славка почти сразу же вернулся, досадливо пожал плечами:

– Туз-отказ. Горничная Ниночка нынче дома не ночевала, отчего родители, простые советские инженеры, в панике и отчаянии. Умоляют немедленно подключиться к поискам родимого чада. Что смотришь?

Даша хмыкнула.

– По всем канонам детективного жанра один из нас должен нахмурить лоб и сказать: «Думаешь?» А второму следует многозначительно произнести: «М-да…» А вообще-то, черт его ведает, Слава, может, тут и вправду – «М-да…» Я так понимаю, у егозы Ниночки ночевки вне дома не в обычае?

– Вот именно. Родители на ушах стоят.

– Они еще этого не видели… – фыркнула Даша, глядя на двух нагих граций. – В общем, видела я по роже Чегодая, что и он в естественную смерть как-то не особенно верит, а если добавить некоторые странности… Никуда нам от работы не деться.

– Нам? – печально поморщился Славка.

– Ну, извини, тебе, – сказала Даша. – Я в нынешнее креслице, честное слово, не рвалась, что тут поделаешь… Но есть и оборотная сторона медали, светлая. Чем могу, помогу.

– Людьми, конечно. И колесами.

– Нет проблем, парень, нет проблем… – задумчиво сказала Даша. – Знаешь что? К трем главным мотивам у нас в данном случае еще и четвертый добавляется. Касаемо кого-то другого, хватило бы секса, страха разоблачения и материальной выгоды, но коли уж речь зашла о Монро, нужно вписать еще и фанатов. У нас тут не столица, но фанаты и фанатки у нее были, я слышала. Ну, не надо делать столь убитую физиономию… Все я понимаю, однако придется и этот вариант отрабатывать. А поскольку…

На сей раз дверь распахнули без стука. Володя Каминский, эксперт, влетел, тщательно прикрыл дверь за собой и, глядя несколько странно, сообщил:

– Там видак включился. Пашет на запись, программа заработала.

– Ну и что? – спросила Даша.

– А то, что примерно в двенадцать дня вырубали свет. Примерно на полчаса. В «дворянских гнездах» такое тоже случается – тут не дачный район, собственную электростанцию завести в центре города трудновато. И не было света, я повторяю, полчаса.

– Да не стой ты с такой рожей! – в сердцах привстала Даша. – Курсанточек эффектами изумляй…

– У тебя видак есть, товарищ майор?

– Стоит паршивенький, пылится, – сказала Даша. – Раз в год врубаю…

– А на запись программируешь?

– Раз в три года.

– Ну вот… Видишь ли, когда свет отключается всего на несколько минут, у видаков стираются программы, ежели таковые были введены, да вдобавок обнуляются часы, приходится потом заново стараться… А там часы показывают нормально, соответствующее время, и программ введено целых четыре. Одна цифирка мигает, как и положено, когда запись идет, три остальных ждут своей очереди…

Он дал им немного времени как следует осознать услышанное и осклабился со столь гордым видом, словно убивец был теперь в кармане или в крайнем случае на коротком поводке и в строгом ошейнике. Добавил:

– А поскольку я уже от Лазаревича слышал, что смерть воспоследовала меж четырьмя и шестью…

– Ладно, не тупые, – сказала Даша грубовато. – Значит, покойная вставала после полудня и видак программировала? Житейское дело, а? Почему раньше не усмотрели?

– Интересно, кто знал? – пожал плечами Каминский. – Сосед, который понятой, когда видак включился, вылупился на него, как чумной, а потом и возопил, что этакого быть не может. Свет отключали, вещает, он сам какую-то очередную серию писал, и у него чуть кассету не заклинило. Он ведь тоже краем уха Лазаревича слышал…

– Соображает, – хмыкнула Даша. – Радоваться надо, что не перевелись еще добровольные помощники следствию, а не иронию шутить… – Она посерьезнела. – Ну ладно. Если это все же естественная кончина, хозяйка видак включить после полудня никак не могла. А если мокрушка – зачем убийце-то с видаком возиться? А, ребята? Или это друг дома в гости зашел, не заглянув в ванную, стал себе расхаживать по квартире и видаком забавляться от нечего делать… Идиотство какое! Да, а что он там пишет-то?

– Похабщину он там пишет, – с кривой улыбочкой поведал Каминский. – Дозволенную цензурой…

Даша вышла в гостиную. Чегодаев стоял посреди комнаты, сунув руки в карманы черного просторного пальто и весь подавшись вперед, смотрел на экран так, словно там неким чудом вдруг явилась детальная картина убийства, в цвете и крупных планах.

Увы, ничего подобного не наблюдалось. Кроме разве что цвета – ящик был неплохой, японский. Во всем великолепии чистейших спектральных колеров на думской трибуне красовался мордастый отпрыск юриста и дурноматом орал:

– …и мало того, что в генпрокуратуре агенты влияния, там еще и масоны, однозначно!

Даша с любопытством покосилась на Чегодаева, которого такие сенсации, как ни крути, касались больше, чем кого бы то ни было из присутствующих. Досадливо фыркнув, Чегодаев отвернулся и нейтральным тоном сообщил Даше:

– «Парламентская неделя», мы сейчас по программе сверились. Правда, запись пошла примерно с середины.

«Видывала я зацикленных на политике, – подумала Даша в некотором смятении. – Но как-то не встречались еще индивидуумы, столь одержимые интересом к парламентским дебатам, что и мертвыми вскакивали, дабы настроить видюшник… Нет, ну кому понадобилось манипулировать с видаком в двух шагах от трупа и, главное, зачем?»

Как она ни гнала ощущение тягучего, тягостного сна, оно, клятое, не проходило. Опера сноровисто делали свое дело, с бесцеремонным равнодушием копаясь в том, что осталось от чужой, изрядно-таки беспутной жизни. Отрешенно сидели в мягких креслах понятые. Сын юриста громил масонов, внося свою толику сюрреализма в происходящее. В подсознании у Даши с недавнего времени засела этакая тревожащая заноза, прекрасно знакомые симптом-

чики – тренированная сыскная собака верхним чутьем *взяла* некую несообразность, но не понимала еще, в чем тут суть.

Она присела на оказавшийся свободным стул, вытащила блокнот и принялась рассеянно черкать на чистой страничке – по старому обычаю отпускала на волю поток сознания. Авось заноза обретет четкие очертания… Все равно делать ей решительно нечего, руководящие указания не требуются, равно как и личное участие.

Чегодаев заглянул ей через плечо, громко хмыкнул. Даша посмотрела на свои художества уже осмысленно и чуть виновато улыбнулась.

– Подсознание работает? – спросил Чегодаев.

– Ох, да совпадение…

Оказалось, она чисто машинально намалевала во весь листок пронзенный кинжалом цветок, похожий более всего на колокольчик вьюнка. Пикантность в том, что у блатных такая наколка означает «Смерть прокурору!» – о чем оба прекрасно знали.

Однако, если грубо набросать ассоциативную цепочку… Цветок… цветок в пыли… растоптанный цветок, сиречь мертвая красотка… женщина… болтовня…

За все время, что в квартире находились опера, телефон не зазвонил ни разу (иначе Даше непременно доложили бы о звонках) – что странновато для квартиры очаровательной болтушки с кучей телефонизированных знакомых, каковые по логике событий и подозревать не должны о том, что певица внезапно покинула этот мир…

Даша резко встала, огляделась, сняла трубку шикарного аппарата. Гудков не было. Не бог весть какое открытие, но все же ради вящей скрупулезности…

Отправив одного из оперативников проверить провод на лестничной площадке, она направилась взглянуть, как идут дела у Славки. Там кипела работа. Верный сподвижник уже изобразил на большом листе бумаги классическое «солнышко» – из центра идут несколько линий, и каждая украшена изрядным (и оттого заранее повергающим в уныние) списком фамилий. Коллеги по ремеслу, особо близкие знакомые, возможные недруги и так далее. Потом «солнышко», разумеется, превратится в паутину, иные фамилии будут всплывать на нескольких направлениях сразу, уж это как водится…

– А почему эта вот колоночка такая короткая? – спросила Даша, присаживаясь в сторонке.

Лысоватый Роберт обернулся к ней, как ужаленный:

– Извиняюсь, насчет связей с криминалом я не спец. И вообще, такая постановка вопроса…

– Что поделать, рутина, – благодушно кивнула Даша.

Не было смысла нажимать именно сейчас. Будет еще время поболтать с месье импрессарио по душам. Пусть уверяет кого-нибудь другого, что он понятия не имеет о криминальном народе, подвизаясь при кабаке «Золото Шантары»…

– У вас телефон с определителем номера? – спросила она.

– Не-ет, – судя по лицу Роберта, он отчаянно пытался просечь возможный подвох. – Зачем мне? Обыкновенный у меня телефон…

– У горничной были ключи от квартиры?

– Да, вроде да…

– А у кого еще?

– Не знаю, правда…

Никчемушные были вопросы, если подумать. Все равно бытие покойной еще долго будут раскладывать по полочкам спецы, а начальству в лице Даши, естественно, явят подробнейшее изложение трудов праведных… Но чем-то же надо себя занять?

«Значит, Мерилин Монро…», – протянула она про себя. Встала и сняла с полки толстый том, именовавшийся соответственно: «Богиня». Раскрыла наугад: «По свидетельству

его семьи, Хронек до самой своей смерти считал, что мафия имела прямое отношение к событиям, сопутствовавшим кончине Мерилин Монро».

Нет уж, в нашем случае придется отказаться от столь заманчивой версии – хотя бы из уважения к теории вероятности. Дубликат, как он ни стремился походить на оригинал, не смог бы в *точности* повторить жизнь и смерть кумира. У нас и дома пониже, и асфальт пожиже, господа…

– Вот что, я эту книжку… – замолчала и обернулась в сторону распахнувшейся двери.

Ее водитель, влетевший не столько с деловым, сколько с ошарашенным видом, все же нашел достаточно смекалки, чтобы при виде постороннего, сиречь Роберта, не орать во весь голос. Отрапортовал: «Товарищ майор, сообщение…», – а остальное старательно прошептал Даше на ухо.

– Дела… – сказала она тихонько. – Слава, я лечу в контору. – И за спиной Роберта легонько взмахнула двумя вытянутыми пальцами, одними губами проговорив: «Бабах!»

– Кого? – не выдержал Славка.

– Степаныча, – бросила она через плечо. – Разъединственного, соколика…

Глава третья
Кавалергарда век недолог…

Голову можно прозакладывать, их с Воловиковым «срисовали с фаса» в три секунды. За охрану здесь отвечал народ весьма серьезный, и добрая половина этого народа в недавнем прошлом отягощала плечи разномастными погонами. Но никто, понятное дело, не дергался, не препятствовал, даже не подавал виду, что засекли. Один только, широкий, как шкаф, дернулся было преградить дорогу самой обыкновенной «Волге», дерзнувшей пристроиться рядом с табунком иномарок, но напарник что-то моментально шепнул излишне резкому, и тот столь же мгновенно увял.

– Хватит, – сказал Воловиков шоферу. – Здесь останови.

С пригорочка кладбище Кагалык открывалось, как на ладони: справа – скромненький район, советских времен, где самым роскошным сооружением был зеленый железный крест, старообрядческий, украшенный финтифлюшками из мастерски гнутого прутка. Левее располагался «новострой» – от простеньких мраморных плит до вычурных сооружений, среди коих особенно выделялась довольно точная копия Тадж-Махала из розового камня, высотой метра в три. Мавзолей этот имел сомнительную честь возвышаться над бренным прахом Чимбри Шэркано, правой руки цыганского барона Басалая. Бедолага Чимбря в прошлом году скончался от естественной для наркоторговца хвори – передозировки свинца, неожиданно и громогласно введенного в организм из трех стволов. Стволы нашли, конечно, валялись тут же, а вот те, кто их бросил, растворились в воздухе. В последние годы у российского воздуха, к удивлению мировой научной общественности, обнаружилось неизвестное корифеям физики свойство: иные человеческие организмы в нем растворялись мгновенно и бесповоротно…

Цыганский барон собственной персоной только что прошел мимо в окружении свиты, и взглядом не удостоив машину, где сидели Даша с Воловиковым. Басалай определенно был погружен в непритворную печаль – как подавляющее большинство тех, кто проходил в ворота. Какие люди шагали, скорбно потупя взор, бог ты мой, какие люди! Те, кто и был властью в Шантарске, те, кто все и решал. Хозяева. Особы, приближенные к хозяевам. Шестерки такого уровня, что их и шестерками-то назвать язык не поворачивался, ибо все в мире относительно. У ограды кладбища стояли и единственный в Шантарске «роллс-ройс» с поэтическим названием «Серебряная тень», и единственная в Шантарске «ламборгини», и оба «бентли», и все четыре «феррари», «мерседесов» – что грязи. Супердорогих шуб – стада неисчислимые. Сливок общества – море разливанное.

Вот только повод для тусовки был самый что ни на есть печальный. И дававший тем, кто порой тратил время на самоанализ, прекрасный случай вспомнить, что самая талантливая на Земле книга – книга Экклезиаста…

Этот мир совершенно неожиданно и без всякого со своей стороны желания покинул господин Гордеев, Фрол Степанович, более известный как Фрол и Степаныч, овеянный, как уж водится, жутковатой славой «черный губернатор» Шантарска. Владелец заводов, газет, пароходов, крестный отец, превеликого ума человек, везунчик. Ум и везение перехлестнулись с зарядом, эквивалентным граммам шестистам тротила, сработавшим под днищем «вольво», скорее всего, от радиосигнала, поданного теми, кто находился поблизости и держал машину в прямой видимости, – очень уж чистый был взрыв, случившийся на пустынной окраинной дороге, так что не пострадало ни одно постороннее живое существо. Экологически чистый взрыв, можно сказать. Четверо в «вольво» погибли мгновенно, ту жуткую обгорелую куклу, что осталась от Фрола, смог опознать один из лучших в Шантарске дан-

тистов благодаря собственноручно поставленному золотому мостику, а остальных не опознали вообще, так что приходилось верить на слово приближенным покойного, уверявшим, что в машину с боссом сели именно эти трое. Кусок железа от вольвовского кузова, словно осколок великанского снаряда, разнес лобовое стекло мчавшейся следом машины с охраной, начисто снес голову «волкодаву» рядом с шофером и насмерть поразил второго, на заднем сиденье, так что в заголовке уголовного дела об убийстве значилось шесть фамилий. И можно было биться об заклад на какие угодно суммы, что дело уйдет в архив нераскрытым. Все в уголовке это прекрасно понимали – нахлебались прецедентов досыта, тут не обязательно быть Мегрэ…

Но главное, головная боль была порождена не поганеньким чувством профессионального бессилия, а кое-чем иным. Мгновенно образовавшимся вакуумом. Есть нечто общее меж президентским креслом и капитанским мостиком пиратского корабля – и злат трон, и каюта предводителя пиратов недолго остаются пустыми. Тут же, как из-под земли, вырастает толпа желающих согреть седалищем захолодевшее сиденье, а методы, честно говоря, в обоих случаях крайне схожи. Честное слово. Особо циничные субъекты имеют нахальство утверждать даже, что полосующие друг друга абордажными тесаками пираты объективно причинят меньше вреда, чем поцапавшийся с родным парламентом президент или король.

Словом, после смерти Фрола в самое ближайшее время в граде Шантарске следовало ожидать резни за опустевший трон, сиречь «черного передела», отчего сыскари заранее (хоть и не признаваясь в том вслух ни единой живой душе) преисполнились самой черной меланхолии. Подобные разборки частенько оставляют и «посторонние» трупы – тех невезучих, кто подвернулся под автоматную очередь или оказался в зоне взрыва чисто случайно. И если в прошлой своей жизни Даша несла только личную ответственность (а много ли зависит от рядового опера, пусть и «важняка»?), то теперь, перейдя в разряд начальства, имела все основания ожидать свою порцию шишек.

– Испанский вариант, – сказала она задумчиво.

– Что? – легонько встрепенулся Воловиков.

– У испанского короля охрана работает по этой методике, – сказала она. – Три кольца. Дальнее внешнее, близкое к объекту, непосредственное окружение…

Судя по лицу шефа, он охотно оценил бы Дашину эрудицию непечатно. Сдержался, однако. Фыркнул:

– Похоже…

– Ревякин мне докладывал, – вяло продолжала Даша. – Кладбище эти мальчики взяли в «коробочку» еще за сутки. После столичного взрыва все ученые… Видите, как дочку обложили?

– Где? – шеф с неподдельным интересом повернул голову. – Я ее в натуре и не видел…

– Во-он, белая шапочка иногда промелькивает…

Белая вязаная шапочка то и дело скрывалась за широченными спинами, обтянутыми темными пальто. Дочь Фрола, спешно прилетевшую из доброй старой Англии, где грызла гранит науки в Кембридже, охрана заслоняла плотнее, чем это было с президентом во время его незабвенного визита в Шантарск. Без особого труда, наметанным глазом, можно было определить второе кольцо, замыкавшее в себя с дюжину ближайших могил, а там и третье. А там и многочисленных одиночек, расставленных там и сям в надлежащем отдалении. Даже на вершине ближайшей к Кагалыку пологой сопки виднелось ярко-синее и ярко-красное пятно – парочка иномарок. Что ж, все логично – при минимальных трудах оттуда можно было прицельно засветить реактивным снарядом. В общем, «черной охраны» было чересчур много даже для такого случая.

Ну, и государственная не дремала, конечно. Где-то поблизости расселись в автобусах «терминаторы» полковника Бортко, кроме них, в полной боевой готовности пребывала масса

сотрудников самых разнообразных служб. Шутки чёрта общеизвестны, в последнее время перестали соблюдать «понятия» и в том, что касается похорон, – возможны любые сюрпризы…

– Нет, качественно они ее обступили… – не выдержал Воловиков. – Куда там президенту… Кухарука помнишь? Лихого пенсионера?

– Кто ж его когда забывал? – фыркнула Даша.

Кухарук был личностью жуткой. Бывший смершевец, во времена оны лихо командовавший в Белоруссии состоящим якобы из возмущенного зверствами оккупантов населения «партизанским» отрядом, никак не желал спокойно доживать век на пенсии. И примерно раз в неделю обходил массу кабинетов краевого и городского УВД, требуя денег на издание сборника его стишков. Стишки были страшнее атомной войны, но никто не набрался храбрости открыто послать ветерана на три буквы, поскольку он был живой историей, увешан орденами от ушей до пяток, да и ордена, что характерно, были честными, полученными не в тылу, а в жестокой резне с немецкими ягдкомандами, куда набирали не хлюпиков и не трусов…

– Когда уехал президент, заходил ко мне поддавший Кухарук и орал, что такой охраны он и в Минске при немцах не видел, что и у гауляйтера Кубе охрана была в десять раз скромнее, а Кубе уже тогда был приговорен…

– Бог с ним, с президентом, – сказала Даша. – Ему с горы виднее. А вот что касается девочки, ничуть не удивляюсь. Она ж теперь – единственная наследница заводов, газет и пароходов, удивляюсь, что ее вообще в шагающий сейф не засунули. Насколько я знала Фрола, наверняка давно уже готова была надежная команда, неустанно бдящая, чтобы доченьку не обсчитали и не обворовали.

– Плонский?

– Вряд ли, – сказала Даша. – Гниловат. Фрол его использовал от сих до сих, и не более того. Скорее уж Веригин или Данил Черский…

Неподалеку от них со всем подобающим решпектом провели дородного священника в блистающей ризе. У священника уже было профессионально отрешенное лицо. Чуть приподнявшись на сиденье, Даша рассмотрела: там, у разверстой могилы, все готово, толпа сбилась тесным полукругом, только многочисленные охранники, как им и надлежало, стояли кто спиной к гробу, кто вполоборота, медленно вертя головами.

– А стра-ашно им, сучне, – сказала Даша не без мстительного удовольствия. – От судьбы денежками не заслонишься…

– Нам-то от этого не легче, – сухо сказал Воловиков.

– Оно конечно, и все же… – Она помолчала, закурила и наконец решилась: – А вообще – несколько странно…

– Что именно?

– Все последние умертвия. Шаман, Тяпа, Ямщик и, наконец, Фрол.

– Ничего странного, – сказал Воловиков уже не столь сухо. – Обычный, я бы сказал, список. Одни авторитеты.

– Список обычный, а вот методы, которыми их отправили на тот свет… Не наши методы, не шантарские. Колдуну всадили в спину стрелу из арбалета, Тяпу кончили из снайперской винтовочки, Фрола взорвали в машине, Ямщику прыснули в лицо некую гадость, которую ни один химик до сих пор идентифицировать не может…

– Цивилизация и до нас доходит.

– Все верно, – сказала Даша. – Но ведь мы имеем четыре подряд нешантарских метода. Четыре. Подряд. Очень уж массированное перенимание столичного опыта получается, а? Десять лет у нас палили без глушителей в спину да в лоб, ставили на перо или сбрасывали с

высокого этажа. Разве что для разнообразия палили из проносящейся машины, а в Поручика нож не всадили – кинули…

– Ты сюда еще Скорпиона впиши.

– Да нет, там все чисто, – сказала Даша. – Пиелонефрит, почки, бронхопневмония, как следствие… Единственный из пятерки сподобился естественной смерти. Но остальные… Ведь серией попахивает?

– Думаешь, сторонние вышибают наших?

– Всего-навсего допускаю, – сказала Даша. – Если счеты меж собой сводят исключительно наши, получается один расклад, а вот ежели наступила «интервенция» – расклад совершенно другой.

– И как я без тебя, такой умной, не додумался…

Сказано это было довольно беззлобно, и Даша тут же ухватилась за подвернувшуюся возможность:

– Значит, разрешаете взять в отработку версию насчет залетных? У меня самой власти нет, чтобы запустить маховик на должные обороты…

– Вот ты куда клонила…

– Ага, – без малейшего смущения призналась Даша. – Так как?

– У тебя конкретный план есть?

– Подробнейший, – сказала Даша. – Сегодня в конторе и обсудим, если не возражаете?

– Не возражаю, – сказал шеф чуть ли не машинально.

Даша облегченно вздохнула про себя. Очень уж легко добилась своего. Но тут же сообразила, что никакой филантропией или мягкосердечием и не пахнет. Шеф быстренько просчитал все не хуже ее самой. Версия насчет «интервентов», положивших глаз на тучные шантарские угодья, потребует от уголовки нешуточной пахоты. Та еще делянка. Но даже если догадки о внешних врагах окажутся ошибкой, ничей скорбный труд не пропадет зря. Потому что в ходе отработки будет получена масса пусть и посторонней, но полезной информации. А информация – вещь ценная. И порой превращается в товар – для обмена, продажи, торговли, угроз, сложных игр… Для примитивного хранения в копилке, наконец, про черный день…

Кстати, точно так же обстоит и с загадочной смертью доморощенной Мерилин. Тенета раскинуты широко, согласно теории вероятности в них попадет масса постороннего, но полезного.

– Что там по Маргарите? – спросил Воловиков. – Из-за Фрола столько времени стояли на ушах, что и обсудить толком было некогда…

Ну вот, накликала…

– Браво топчемся на месте, – честно отрапортовала она. – Эта девчонка, горничная, растворилась в безвестности. Иногда от бессилия начинаю думать, что и она лежит где-нибудь поодаль от Шантарска в стылом виде. Очень уж качественно растворилась, хотя, если учесть безупречную анкету, неоткуда у нее взяться такому мастерству в игре в прятки с органами…

– А может, мастерство тут и ни при чем, – слегка поморщился Воловиков. – Сидит себе на хате вполне законопослушного и благонравного знакомого, который в зону поиска из-за благонравности никак не попадает… ты себя заранее, часом, не настраиваешь на преступление века?

– Избави бог от преступлений века, – искренне сказала она. – Вот чего всю жизнь боялась, хоть и не убереглась однажды. Ну, да снаряд в одну воронку два раза не попадает… И все равно, – решительно добавила она после недолгого молчания. – Может, это и не преступление века, даже наверняка не оно, однако ж клубок закручивается пакостный. Если горничную кто-то хлопнул, были серьезные основания. Если она жива и прячется, опять-таки есть серьезные основания – возможно, знает, что будут искать, а то и знает, кто. Да и саму Марга-

риту зачем-то же хлопнули весьма профессионально? И зачем-то появился некий неизвестный, прямо-таки жаждавший натолкнуть нас на мысль, что никакое это не самоубийство…

– Уверена?

– Уверена, – сказала Даша. – Другого назначения у этой хохмочки с видеомагнитофоном быть не могло. Ребята старательно высиживали в квартире, пока не сработали все четыре программы.

В течение примерно трех часов. Все четыре записи – никому не нужные обрывки передач. Кусок «Парламентской недели», кусок баскетбольного матча, вовсе уж короткий, пять минут, обрывок «Бизнес-ликбеза», наконец, записанная с середины двести пятая серия которой-то там «Просто Марианны». Полное впечатление, что он не спеша изучал телепрограмму, чтобы ради пущего воздействия выбрать сплошное занудство… Нет, не вижу другого объяснения. Кто-то озаботился подать нам весточку. То, что он предпочел остаться инкогнито, меня как раз не удивляет нисколечко: возможны самые разные коллизии, от вполне обоснованного страха за собственную шкуру до нежелания тратить свое драгоценное время на общение с ментами… Все возможно.

– Этого, с фотографии, никто не опознал? Того, что ночью привез Маргариту домой, а потом был замечен у квартиры?

– Никто, – кратко сказала Даша. Ее стукачок, тот самый, с фотографии, пребывал пока в деловой командировке, и раскрывать его Даша не собиралась даже обожаемому шефу – законы тут действуют старые, устоявшиеся… Быть может, Воловиков кое о чем и догадывался, но те же самые законы запрещали ему задать прямой вопрос.

– Если горничная Ниночка жива, я ее найду, – сказала Даша. – Законопослушный народ не умеет прятаться *долго*, рано или поздно начнет дергаться, вылезет на свет… Меня другое удручает. Объем информации. Знакомых у Маргариты была масса, из всех, как иные выражаются, слоев общества, соответственно, поток информации идет гигантский. На девяносто девять процентов это бесполезная ерунда, но вы же знаете, как порой случается… Вполне может оказаться, что ключик или след уже красуется у нас перед глазами, но мы не можем его отфильтровать от ерунды. И погружаемся все глубже, глубже… Самое поганое, до сих пор не могу вычислить мотива, классические отпали, пока что не просматриваются. – Она невольно фыркнула. – Между прочим, целых три группы фанатов уже ведут собственное следствие.

– И как?

– Можете себе представить. На уровне мультфильма «Следствие ведут колобки». Один уже притащил мне меморандум на двадцати страницах, хорошо еще, отпечатанный на машинке. Главная мысль сего опуса – несчастную Маргариту зверски изничтожили агенты Аллы Пугачевой, убоявшейся возможной конкурентки. Во всех других отношениях вполне нормальный человек, в Институте биохимии работает…

– *Всех* знакомых опросили? – спросил Воловиков, нажимая на первое слово.

– Нет, конечно, – сказала Даша. – Прикажете губернатора повесткой вызывать или самой к нему являться? Его высокопревосходительство перманентно государственными делами заняты-с, я свой шесток знаю. Есть и другие… сановнички. Столь же недосягаемые и, откровенно говоря, мне совершенно ненужные. Я, конечно, «соседей» недолюбливаю, но не рискну утверждать, что ее грохнул Стронин из ФСБ или генеральный директор «Шантармаша»… Или генерал Глаголев – который, кстати, после той аварии еще не встал, лежит с ногой на растяжке. Из ревности, по аффекту все перечисленные и полдюжины им подобных убивали бы совсем иначе – а никаких жгучих тайн Маргарита хранить не могла, кто бы ей что доверил? Не тот народ. Так что шишек я решительно отметаю – не оттого, что санкцию на разработку вы мне все равно не дадите, а потому, что в данном случае в убивцы они не

годятся… – Она помолчала. – А кстати, не фиксировалось ли попыток или хотя бы намека на попытки…

– Никаких, – сказал Воловиков. – Ни малейшей попытки что-то притормозить или деликатненько посоветовать не утомляться чрезмерно. Вовсе даже наоборот. Все рвут и мечут. Начиная с его высокопревосходительства. На самом высоком уровне было заявлено, что власть ни за что не перенесет столь циничного удара по культурной жизни Шантарска. И убийцу велено искать со всем рвением. Тут всплыла твоя фамилия, вспомнили о твоих прошлогодних геройствах… В общем, следствие будешь держать под личным контролем, в ущерб всем прочим обязанностям, которые со спокойной совестью можешь свалить на Грандовского… Сие – прямой приказ.

– То-то Грандовскому будет весело…

– Ничего не поделаешь. Сама виновата, надо же тебе было со всем блеском раскручивать прошлогодние фантасмагории… Вот и заработала соответствующую репутацию. Ты теперь – Та Самая, вот и страдай…

«Прелестно, – подумала Даша. – Уписаться можно. Дело даже не в том, что от тебя после одного-единственного звонкого успеха назойливо требуют совершать чудеса ежедневно, с восьми до пяти. Есть и другие нюансики». Вполне возможно, кто-то из обиженных ее новым назначением применил старый действенный способ – не стал ругать и сплетничать, а наоборот, расхвалил до небес, как бы заранее выдав вексель от ее имени. И попробуй теперь не раскрутить дело… Древний приемчик, но адски эффективный порой.

– Схожие инструкции получила и прокуратура, – продолжал Воловиков. – Чегодаевские орлы землю роют.

– Да знаю, – сказала Даша. – Наши ребята с ними третий день пересекаются, а сегодня поутру Славка и чегодаевский Адаскин у двери одного из немаловажных свидетелей нос к носу столкнулись…

– Это у которого?

– У того, что рисовал Риточкину обнаженную натуру. С натуры, оказалось. А потом и кувыркались порой прямо возле мольберта…

– По-моему, и чекисты что-то такое копают, – сказал Воловиков. – На волне общего принудительного энтузиазма. Через пару недель День города, в грядущем роскошном шоу Маргарита должна была участвовать со всем усердием, исполнять что-то там новосочиненное на фоне ряженых воевод и бутафорского командора Резанова.

– Ага, – сказала Даша. – Только такой версии нам и не хватало – мол, демократически настроенную певицу убрали зловещие красно-коричневые, чтобы сорвать День города… Черт, а ведь рано или поздно какой-нибудь шизик эту глупость озвучит, взять хотя бы Потылина, у него, говорят, опять ремиссия кончилась, снова на телевидение с сенсациями рвется…

– Ну, у нас сейчас не девяносто третий…

– Все равно, – сказала Даша. – Терпеть ненавижу работать, когда рядом шизики крутятся… Вы мне скажите честно: что им там, наверху, нужно? Письменное признание убивца или истина? Простите за цинизм, но мы люди взрослые…

Воловиков помолчал с минуту, а потом честно признался:

– Пока неясно. Цинично-то говоря… Если начнут ставить палки в колеса, сама почувствуешь, не девочка. Но *пока* гнев у них вроде бы не наигранный, всерьез требуют, чтобы мы расшиблись в лепешку. В конце-то концов, захоти кто-то спустить дело на тормозах, за три дня успели бы оформить все изящно и ювелирно. Опять-таки – цинично-то говоря…

– Вот и я так думаю, – сказала Даша.

Шефов водитель, предпенсионного возраста сержант Михалыч, сидел так тихо, словно его тут вовсе и не было, даже дыхания не слышалось. Кадр был верный, с Воловиковым работал лет десять, и потому при нем-то можно было не стесняться…

– Сдается мне, это не тот случай, когда кто-то рискнет вышибать липовую «сознанку», – сказал Воловиков бесстрастно. – Чересчур много народу в игре, прокуратура будет бдить серьезно. И постарается опередить, само собой…

Даша понятливо хмыкнула. Человеку непосвященному трудно понять, почему из-за письменного признания подозреваемого меж несколькими конторами кипят прямо-таки шекспировские страсти. На деле все просто, как перпендикуляр: если первыми «сознанку», а то и явку с повинной успеют оформить сыскари угро – они получают плюс, а прокуратура, соответственно, минус. Если первыми варнака расколют прокурорские – все будет обстоять с точностью до наоборот. Вот и вся нехитрая математика, никак не дотягивающая до высшей. Оттого-то опера скрупулезно и отфильтровывают информацию, которой волей-неволей вынуждены делиться с прокуратурой, а вовсе не из-за мифической врожденной вражды… Хотя этим, конечно, сложность отношений меж двумя фирмами не исчерпывается.

– А то есть у меня великолепный кандидат в убийцы, – сказала Даша задумчиво. – Одна фигуристая кошка, из подтанцовки, вечная завистница Риточки. Каждый раз, как поддаст крепенько, кричит… то есть, кричала, что змею Ритку непременно зарежет. Давайте, возьмемся прессовать?

– Поди ты с такими шутками… – вяло огрызнулся Воловиков.

Даша притихла, сообразив, что и впрямь несколько перегнула палку. Чуть сдвинулась влево, чтобы меж двумя передними сиденьями открылся вид на могилу. Над тесно сбившейся толпой поднимался едва заметный дымок ладана, но ни единого звука не доносилось, слишком далеко.

– К вопросу о психологии, – негромко сказал Воловиков. – У меня создалось устойчивое впечатление, что высокие начальнички в глубине души испытывали примерно то же самое, что и эти все… – кивнул он в сторону кладбища. – Маргарита, понимаешь ли, была своя. Их круга. Истеблишмент. Сановные родители, хоть и покойные ныне, сама она – по шантарским меркам звезда богемы, вращалась среди доморощенной элиты… И вдруг в расцвете лет получила по голове. Всем стало неуютно, все вспомнили, что человек, как говаривал классик, внезапно смертен, все ощутили неприятный холодок. Охрана и дома-«сливочники» с плечистыми вахтерами, в конце концов, бессмертия не гарантируют. Не любят «сливки» насильственную смерть, в подсознании остаются неприятные занозы. Отсюда и призыв в лепешку расшибиться. А насчет завистниц… хоть капля серьезности в этом есть?

– Вряд ли, – сказала Даша. – Совершенно не женское убийство. Будь там огнестрелка, я бы еще допускала, а так… И потом, будь это простая завистница, наш таинственный подсказчик вряд ли тратил бы столько трудов, рискуя, что его застукают рядом с трупом…

– Или – подсказчица? Ведь кто-то себя выдавал за Маргариту, и это была женщина…

– Тут, конечно, возможны варианты, – сказала Даша. – Может, их двое – Он включил видак, а Она звонила… Не суть важно. Главное, кто-то гораздо раньше нас узнал, что Маргариту убили. Именно – что убили. И развернул бурную деятельность. Я не верю, что магнитофон включал на запись убийца. Вот не верю, и все. Пресловутый нюх. Давно реабилитированная интуиция… Ч-черт… До меня только сейчас дошло, три дня мучаюсь…

– Насчет чего?

– Сообразила наконец, что там было неправильно, – сказала Даша. – Идеальный порядок, ни малейших следов убийцы – и перевернутая пустая шкатулка. Если ее перевернул убийца, чтобы навести нас на ложный след, почему он не имитировал ограбление? А если шкатулку так бросил Подсказчик – зачем ему это сдалось? Навести нас на мысль, что из квартиры нечто забрали? Что? Неосторожные письма от женатого хахаля? Наркоту? Тай-

ные планы расположения лотков с газировкой на День города? Знаете, у меня есть совершенно идиотская идея. Нужно сесть и составить список… график… черт, даже не знаю, как это назвать. В общем, идея такая: *наша* звезда прилагала немалые усилия, чтобы подражать Мерилин Монро во всем, что только возможно, с учетом поправки на географическую широту. Со спортсменом путалась, писателя в любовники искала, даже снотворное глотала, хотя и без него спала, как сурок. Так вот, нужно составить этакий синодик: собрать все, в чем Рита подражала Мерилин, и посмотреть, не могли ли на этом пути возникнуть некие дурно пахнущие коллизии, приведшие в конце концов к известному финалу… Не слишком шизофренически, а? Согласна, версия не из стандартных, но и потерпевшая в стандарты не вписывается… Как вам?

– Ну, есть в этом своя сермяга… – подумав, серьезно сказал Воловиков. – Оформи, как одно из направлений, но особенно не увлекайся. Да, а материалы где взять? Насчет оригинала, то бишь Мерилин?

– О, тут порядок, – сказала Даша. – Я в квартире взяла несколько толстенных книг – Мерилин Монро от и до. Забавно, Риточка биографии своего кумира коллекционировала, какие только удалось достать, – на четырех языках, хотя, кроме русского, ни на каком другом не читала.

– Бзик?

– Определенно. А мы-то с вами знаем, к чему порой бзики приводят…

– Ладно, Михалыч, поехали. – Воловиков посмотрел в сторону кладбища. – Ни одна сволочь из чиновных кабинетов так и не приехала – чего и следовало ожидать… Логично, в общем-то. Я вот сам не понимаю, зачем мы сюда приперлись…

– Подсознательно хотелось поставить последнюю точку, – серьезно сказала Даша. – Возможно, самую чуточку позлорадствовать про себя. Как выражаются китайцы, выигрывает тот, кто пережил врага… А все-таки личность была, согласитесь?

Воловиков промолчал. «Волга» медленно проползла мимо шеренги блестящих лимузинов – под настороженными взглядами обступивших машины охранников. Видно было, что столпы криминалитета сделали свои выводы и вряд ли теперь оставят шикарные тачки без присмотра.

– Музычку врубим? – нейтрально спросил Михалыч.

– Валяй, – кивнул Воловиков.

Михалыч сунул наугад первую попавшуюся кассету. Даша не сразу узнала чуть хрипловатый женский голос:

– Говорите, я молчу!
Все припомните обиды,
и нахмуритесь для вида,
мою руку не допустите к плечу…
Говорите, говорите, я молчу…

Она даже вздрогнула, словно увидела привидение. Не сразу вспомнила, что ничего удивительного не случилось, – самое обычное дело в наш век с его видеокамерами, магнитофонами и прочей техникой…

Что-то, видимо, сообразив, Воловиков спросил:

– Лямкина?

– Маргарита Монро, – усмехнувшись одними губами, поправила Даша. – А голос все-таки богатый…

– Ага, – осторожно вставил реплику Михалыч. – Последний альбомчик, я только вчера вечером купил, не ставил еще. Теперь, выходит, самый последний… Жалко. Пела-то она хорошо.

– А я как-то и не интересовался, – признался Воловиков.

И стал внимательно слушать – так, будто это могло помочь, дать какой-то ключик.

– Говорите, я молчу!

Как уверенно вы лжете…

Что же, вы себя спасете.

Я одна по векселям плачу…

Говорите, говорите, я молчу!

Слева, на обочине, примостился мерседесовский автобус, знаменитый на весь Шантарск экипаж цвета спелой вишни, украшенный черным силуэтом рыси в белом круге. Из приоткрытых окошек валил сигаретный дымок – волкодавы полковника Бортко слегка расслабленно бдили, не случится ли какой разборки. Автобус приветственно мяукнул клаксоном, но Михалыч не ответил, выехал на асфальт и погнал под восемьдесят, бормоча:

– Хорошо им сидеть с пушками наперевес, когда мозгов не надо, а тут интеллектом шевели…

Он всю сознательную жизнь шевелил как раз баранкой, но давно уже привык причислять к уголовному розыску и себя – так давно, что не только он сам, но и все остальные както свыклись, и подобные тирады их уже не удивляли.

И посему Воловиков чисто машинально бросил:

– Ты на дорогу смотри, сыскарь, а то еще на чужую мину напоремся…

– Ну, не настолько уж у нас жутко, чтобы растяжку поперек шоссе крепили… – беззаботно отозвался Михалыч. – Снег сошел, махом долетим в лучшем виде.

…Накаркал, как выяснилось через четверть часа. Почти до самого конца они ехали без происшествий, но на проспекте Мира дорогу перегородила огромная толпа. Перегородила не им конкретно – к ним оказались обращены лишь спины. Центром притяжения служил бывший обком партии, помпезный домина сталинской постройки – где ныне, как заведено, обосновался всенародно избранный губернатор. Местный колорит, правда, заключался в том, что шантарский губернатор, в отличие от неисчислимого множества коллег по демократическому истеблишменту, в старые времена при обкоме КПСС не состоял, а был кандидатом экономических наук и умел говорить красиво. Последнее качество его и забросило в нынешнее кресло – и, похоже, лет пять назад электорату следовало бы крепенько подумать…

Картина для последних месяцев была самая обычная – повсюду самодельные бумажные плакатики с разнообразнейшими призывами, от жалостных просьб выдать, наконец, зарплату за последние полгода до кровожадных призывов к топору, кое-где реют алые знамена, несомненно, в непосредственной близости от них, как обычно, обретаются вождь шантарских коммунистов Мурчик и самый патриотический редактор Пищалко, подальше, под своими экзотическими эмблемами, расположились жириновцы и яблочники вкупе с лидерами вовсе уж микроскопических партиек. Промелькнул, вихляясь и жестикулируя на ходу, достославный Потылин, притча во языцех, недавно создавший аж из трех человек Партию Истинных Защитников Демократической Альтернативы, столь явный шиз, что даже грубые сержанты брезгливо обходили его сторонкой – пока не вцепился зубами в казенную дубинку…

Дело ясное: снова отчаявшийся демос пытался втолковать «кратии», что ему, демосу, совершенно нечего жрать, а разномастные партийцы моментально сбежались попечаловаться над оскорбленными и униженными (и попутно втолковать, что только голосование за их партию приведет к наступлению золотого века). Шантарский народ даже в горе оставался

по-сибирски добрым – и оттого партийных вождишек никто не бил, ограничиваясь вялыми матерками…

Расставленные в превеликом множестве милиционеры особо не усердствовали и не нервничали. Заранее можно было предсказать, чем все кончится: еще с часок толпа будет выпускать пар, требуя, чтобы к ним вышел губернатор (давным-давно эвакуировавшийся через заднее крыльцо), потом появится какая-нибудь сытая шестерка в галстуке, попросит выбрать депутацию и кратенько изложить требования, еще через полчасика другая шестерка депутатов примет, похлопает по плечу, поскорбит вместе с ними и отправит восвояси…

– Пешком придется, а? – спросил Воловиков. – Так оно проще…

В самом деле, пешком им предстояло пройти метров двести, а машина, поверни она назад, из-за обилия в центре улочек с односторонним движением вертелась бы минут пять, прежде чем попала к крыльцу городского УВД.

Они с Дашей решительно вылезли, проигнорировав бурчанье Михалыча, двинулись через улицу. Никто не обратил на них внимания, благо оба были в штатском, только дерганая дамочка попыталась продать по мизерной цене коммунистическую газетку с классическим названием «Серп и молот». Однако Даша с печальным видом развела руками:

– Ну какие двести рублей, когда сто лет зарплату не платят…

И оба побыстрее юркнули на другую сторону. В общем-то, Даша не так уж и прибеднялась – порой и с милицейской зарплатой происходили печальные фортели…

На другой стороне, в непосредственной близости от милицейского автобуса, в четыре шеренги выстроились новички шантарской политической тусовки – «бело-зеленые», они же каппелевцы, игрушечные сепаратисты. Некий доцент, ничем особенно не прославившийся на ниве лесоведения, в прошлом году объявил себя потомком колчаковского ротмистра и по этой причине в самые краткие сроки произвел на свет очередное политическое движение – «Свободную Сибирь» – и даже ухитрился зарегистрировать дите, как положено.

В отличие от Потылина, чьи медицинские проблемы были видны невооруженным и непрофессиональным глазом, доцент Шумков, по всему видно, оказался вполне здоровым и не в пример более хитрым. Не сразу и всплыло, что движение, зарегистрированное как некая культурно-просветительская организация, на деле прокламирует полную независимость Сибири (или, в качестве первой ласточки, хотя бы Шантарской губернии). Программа, если продраться сквозь всю словесную шелуху, была проста и незатейлива, как мычание:

1. Сибирь богата, а Москва ее безбожно грабит.

2. Посему следует сделать Сибирь независимой.

3. Там видно будет.

Когда опомнившаяся прокуратура после чуть-чуть истерического выступления представителя президента попыталась было пресечь развлечения шумковских орлов, выяснилось, что сделать это не так-то просто. Нуль в науке оказался далеко не так бездарен в политике. Как ни старались прокурорские, не удалось откопать и одной-единственной фразы, которую (пусть даже с превеликой натяжкой) можно истолковать как призыв к нарушению целостности государства. Хитрющий Шумков, невинно поблескивая импортными очками, охотно объяснял: во-первых, тезис «Москва безбожно грабит Сибирь» противозаконным не является и представляет собой чисто дискуссионное умозаключение; во-вторых, он, Шумков, сроду не призывал к каким бы то ни было насильственным действиям и свято верит, что грядущую независимость Сибирь получит исключительно благодаря конституционным методам, сиречь референдуму.

Он был неуязвим, прохиндей этакий. Именно так все и обстояло с формально-юридической стороны. Ни единой фразы в публичных выступлениях, статьях или листовках, за которую можно ухватиться. У некой невидимой черты Шумков, как ни летела с губ слюна, останавливался на всем скаку – а то, что слушатели и читатели сами делали из его витий-

ства простой вывод о необходимости сибирского суверенитета, предметом судебного разбирательства или прокурорского запрета послужить опять-таки не могло. Все было идеально выверено и взвешено. Уж Даша-то знала – потому что именно уголовный розыск после возбуждения уголовного дела провел все необходимые мероприятия. И не нашел ни малейшего криминала. Так что дело пришлось тихонько похоронить, как ни чесались руки у прокуратуры, как ни ярился представитель президента (еще один кандидат околовсяческих наук, мобилизованный перестройкой в комиссары демократии), кончилось пшиком. Старая, как мир, история: те, кто рад был лишнему случаю лишний раз вставить перо и кое-каким политикам, и прокурору, и представителю президента, вдоволь покричал о произволе «так называемых демократов», нажал кое-какие кнопки и тем самым обеспечил Шумкову индульгенцию на будущее…

Даша чуть ускорила шаг, чтобы побыстрее миновать ряженых. В истории она была не сильна, однако знала, что пресловутые каппелевцы носили черную форму, а у казаков того или иного войска лампасы, околыш и петлицы должны быть одного цвета. Меж тем шумковцы, щеголявшие в синих галифе и защитных гимнастерках (а то и попросту в пятнистых комбезах с погонами собственного сочинения) не знали и этого: один пришил малиновые лампасы при синем околыше, второй нацепил погоны советского подполковника, каких ни в императорской, ни в колчаковской армии быть не могло, третий, должно быть, не раздобыв шашки, прицепил к поясу морской кортик. На груди четвертого Георгиевский крест, явный новодел, умилительно соседствовал со значком «50 лет в КПСС». В шеренге имелись и две грудастые девахи в столь же фантастической форме, а перед строем с должной важностью и осанистостью прохаживался сам отец-атаман, в полковничьей каракулевой папахе, с загадочным вензелем на генеральских погонах без звездочек, с настоящей генеральской парадной шашкой на поясе. «Восемьсот долларов антикварам выложил», – механически отметила Даша, вспомнив один из рапортов.

В общем, ей было наплевать на всю эту компанию, гораздо более безобидную, нежели прошлогодние сатанисты. Неприятно царапнуло другое – на левом фланге горячо витийствовал седой субъект в лихо заломленной фуражке, с колчаковской бело-зеленой повязкой на рукаве, и среди посторонних слушателей стояли двое милиционеров, слушавших, судя по лицам, вполне даже одобрительно…

Возможно, все было даже сложнее. Временами, когда от окружающего бардака рождалось чувство вовсе уж мучительной беспросветности, ей и самой казалось, что свободная Сибирь – не столь уж дурацкая идея. В конце концов, Шантарская губерния по площади равна трети США и богата всем, что только можно отыскать в таблице Менделеева. А на Москву здесь не оглядывались испокон веку. И грабиловка, скажем честно, идет впечатляющая…

Одна беда: чертов Шумков на серьезного лидера никак не тянет, клоун пузатый. А другого лидера нет…

– С-сука рыжая… – ударил ей в спину злой шепоток.

Ну конечно, узнал кто-то из ряженых. Она не повернула головы, не сбилась с шага – много чести будет… Пусть подрочат.

– Кто им деньги дает… – задумчиво произнес Воловиков, догоняя ее и шагая в ногу.

– Так и не докопалась, – сердито сказала Даша. – Вряд ли кто-то серьезный – деньги небольшие, только на экипировку и хватает. Не более того. Да и с формой жены возятся, точно знаю… Какой-то богатенький Буратино развлекается от нечего делать, только и всего. За шашечку бы его привлечь, но у них все железки затуплены напильниками до полной законопослушности…

– А тех двоих видела?

– Наших?

– Ага.

– Видела, – сказала Даша. – Чему тут удивляться – у них состоит пара ребят из Центрального РОВД и один из Советского, что тут поделаешь, если законом не запрещено в свободное от работы время… А если честно – своя сермяга в этом есть. Во всем, что пузатый говорит.

– Дарья…

– Да я же – чисто теоретически, – вздохнула она. – Без малейшего сочувствия к экстремистски настроенным личностям. Вот только почему мы, область-донор, в такой заднице?

– Ты на президентских выборах за кого голосовала, если не секрет?

– За Бориску, понимашь…

– Вот и терпи.

– Терплю, товарищ начальник…

Она ускорила шаг – до родного крыльца оставалось метров пятьдесят, и, хотя в кабинете ждала масса тягостной работы, под крышей веселее, нежели на зябком ветру.

– Погоди, – сказал вдруг Воловиков. – Постоим, покурим…

– Пришли ведь…

– Погоди, – повторил он совсем серьезно.

Даша остановилась, вытащила из кармана сигареты, прикрыла сложенными ковшиком ладонями огонек зажигалки. Вопросительно повернулась к шефу – уже прекрасно понимала, что дело не в перекуре.

– Не надо, – отмахнулся он от протянутой сигареты. – И так в глотке дерет… – Воловиков надул щеки, медленно выдохнул воздух, явно пребывая в некотором колебании. – Вот что, Дарья… Ты в ком из своих уверена на все сто двадцать? Чтобы положиться безоговорочно?

– Славка, – сказала она, не особенно раздумывая. – Я с ним поработала, дай бог… А что? Это не значит, что он такой единственный, просто его-то я по жизни проверила так, что на все оставшееся бытие достаточно…

– Отлично, – сказал Воловиков, вроде бы даже с облегчением. – Совпадаем по фазе… Я сам о нем в первую очередь подумал. Так вот… Вы оба мне сегодня понадобитесь. В десять вечера у меня одна хитрая встреча… хитрая, но необходимая. Нужны два человека.

– Для чего?

– Честно говоря, и сам пока не знаю. Там будет видно. Ты не блести так глазищами, не блести – никакого крутого боевика не ожидается. Ни пальбы, ни беганья по крышам. Просто-напросто потребуется кое-что быстренько уточнить, выявить слежку… И не более того, в таком разрезе. Можешь, конечно, отказаться, это не на все сто служебное поручение…

– Да ладно вам, – сказала Даша. – Уж на меня-то всегда можете положиться… Когда и где?

– Давай прикинем… Если не произойдет ничего непредвиденного, отправишь своего шофера домой согласно трудовому законодательству, а сама со Славкой к восьми вечера сидите у тебя в кабинете. Загляну и распишу диспозицию…

Глава четвертая
Непонятки

– Поехали… – облегченно вздохнула Даша, когда воловиковская «Волга» плавно отчалила от тротуара.

Аккуратненько выжала сцепление, выждала немного: когда меж ней и машиной шефа оказались три посторонних (а может, и не вполне посторонних) автомобиля, тронулась. Славка расстегнул куртку, чтобы рукоятка «семьдесят первого» была под рукой.

– Не дрыгайся, – сказала она, не поворачивая головы. – Тебе же говорили, пальбы не предвидится.

– Береженого Бог бережет.

Ведущая машина, не дергаясь из ряда в ряд, спокойно катила по бывшему проспекту Сталина, Даша то висела у нее на хвосте в должном отдалении, то пару раз вырывалась вперед, имитируя полную якобы непричастность к той «Волге». Хвоста пока что не наблюдалось.

– Кассету достал? – спросила она мимоходом.

– Ага.

– Врубай потихонечку.

Через несколько секунд из динамиков у заднего стекла послышался хрипловатый голос Маргариты Монро, и Даше, как не раз уже было, показалось, что в этом голосе таится легкая насмешка над всем сразу – над окружающими, над жизнью, над собой:

– Нас с Мельпоменой лихо сблизили,
творя картонное добро.
Комедиант с похмельной физией
нас уверял, что он – Пьеро.
Он что-то пел с тоскливой миною,
как ставни, душу затворя.
Но все спасала Коломбина
с глазами цвета сентября.

Гаишник издали махнул им жезлом, но Даша преспокойно проехала мимо, не сбавляя скорости, он кинулся было на проезжую часть, но разглядел милицейский номер и попятился.

– Во что-то грешное одета,
развращена чужой весной,
она не рвалась стать Джульеттой,
но оставалась неземной.
И стало тихо в темном зале…
Мы, о несбыточном моля,
покорно ситцы принимали
за горностаи короля.

Не было хвоста. Светофор на Карабанова врубил красный, но Даша успела проскочить, перекинула рычаг на четвертую – здесь все гонят, как черти, подозрений не вызовешь…

– И чьи-то сказки стали былью,
и меч фанерный был в крови,
и ангелы теряли крылья,
а черти пели о любви…
Но занавес закрылся чинно,
на части сказку разрубя.
Тебе спасибо, Коломбина, –
за то, что не было тебя.
И кто-то важный хлопал сонно,
здесь скоротавши два часа.
И забывали почтальоны
навеки наши адреса…

Машина Воловикова замигала левым поворотом, целясь на кривую, извилистую Тиксонскую – в темное время мало кто имел охоту считать тамошние рытвины и колдобины, а посему больше шансов узреть хвост…

– Действительно, – сказала Даша. – Стишки на пару порядков выше «юбочки из плюша». Песенка провалилась?

– Не одна песенка, а весь концерт. Восемь песен. Все – на стихи Стребкова. Меценат, который собирался было дать денежку на выпуск кассеты, после такого пассажа передумал. Меж творческими людьми приключилась нешуточная ссора с хватанием за грудки.

Вообще-то, сама Маргарита выступала чуточку меньше, чем Роберт, но в выражениях все равно не стеснялась. От женщины, сама понимаешь, обидные эпитеты выслушивать гораздо унизительнее. Вдобавок на столе у них было… Короче, Стребков встал на дыбы, обложил и красавицу, и ее менеджера самыми последними словесами, Роберт полез в драку, но получил по ушам весьма даже качественно. Поэты, знаешь ли, не обязательно – кучерявые хлюпики. Стребков – мужик в расцвете, косая сажень, карате балуется который год… Набежал народ, Роберта спасли, поэта утихомирили, но он, гордо уходя, пообещал непременно пристукнуть и Марго, и Роберта… Пьян был на совесть. И грянул инцидент три месяца назад. Конечно, это ни о чем еще не говорит, но, во-первых – нешуточная обида, а во-вторых – приличное владение приемчиками…

– Ладно, – сказала Даша. – Уговорил. Отрабатывай и эту ниточку. Отметать не стоит – это для нас с тобой мотив прямо-таки смешной, а у творческого народа свои заморочки…

Машину подбросило на колдобине, Даша чуть не прикусила язык и надолго замолчала. Не было хвоста. Так и не объявился и в следующую четверть часа, пока они ехали по Беговой, по Маркса, по Каландаришвили. С проверкой, кажется, покончено. Даша прибавила газку, уже в открытую держась за машиной шефа – во исполнение точных инструкций. Оба автомобиля свернули налево, во двор, стандартной девятиэтажки на Короленко. Остановились. Воловиков неспешно вылез, прихватив памятную Даше желтую папочку из кожзаменителя, выглядевшую пустой. Оба сыскаря тут же оказались рядом с ним.

– Пошли, – сказал он и первым двинулся в подъезд – без железной двери и кодового замка.

Внутри оказалось довольно чисто, если не считать надписей на стенах, возвещавших, что Светка – блядь, Явлинский – козел, а «Шемрок» – чемпион. Судя по сей наскальной живописи, интересы у обитателей дома были самые разносторонние. Лампочки горели на каждом этаже. Даша хорошенько рассмотрела шефа и сделала для себя вывод, что он нисколечко не волнуется, но определенно озабочен. Она и не пыталась угадать, в чем им выпало участвовать, – не хотелось лишний раз ломать голову.

Меж третьим и четвертым этажами Воловиков неожиданно остановился:

– Вот здесь и постойте, – сказал он тихонько. – Минут несколько. Влюбленную парочку изобразите, что ли. Слав, куртку можешь застегнуть, меня там резать никто не будет…

– А потом? – спросила Даша так же тихонько.

– Если понадобится что-то предпринять, выйду и скажу, что именно. А может, и отправлю по домам. Там видно будет.

Он постоял, ожидая, пока Славка застегнет куртку, скрыв кобуру от нескромных взглядов, кивнул, поднялся по ступенькам и позвонил в дверь квартиры справа. Даша не видела ее номера, но, судя по тому, что на соседней красовались вычурные цифирки «45», Воловиков направлялся в сорок шестую – тут не нужно быть Эркюлем Пуаро…

Дверь приоткрылась почти сразу же, ничьего голоса Даша не услышала. Видимо, открывший моментально отступил в глубь прихожей – Воловиков тут же вошел, уверенно, не оглянувшись.

Они остались ждать. Закурили для скоротания времени. Этажом ниже орал телевизор, прогудел лифт, уплывая вверх. Чуть погодя этажом выше хлопнула дверь, щелкнул ключ, застучали уверенные шаги. Оба прислонились к стене, приняв раскованный вид самых что ни на есть здешних людей.

Спускавшийся оказался субъектом лет пятидесяти в хорошем пальто, дорогой шапке и при очках в тонкой позолоченной оправе. Проходя мимо, покосился опасливо и ускорил шаг.

– Неужели у нас вид такой? – хмыкнула Даша.

– Нынче народ всего боится…

Неспешно тащились минуты. Выкурили по второй, давя окурки подошвами и старательно зашвыривая их в угол, за шахту лифта. Снизу примчался небольшой эрдель, поплясал рядом, потыкался носом, крутя жалким обрубочком хвоста, унесся наверх. Следом гораздо медленнее тащилась хозяйка, определенно разменявшая вторую полусотню дамочка в неплохой шубе, со склочной физиономией.

И тут же оправдала Дашины догадки – приостановилась, поджала губы:

– А вы другого места не нашли, где курить? Всю площадку загадили, молодежь…

Пожалуй, не имело смысла притворяться перед этой Горгоной влюбленной парочкой – получилось бы только хуже, можно было нарваться на лекцию об упадке нравов нынешней молодежи, как пить дать…

– Я вам, девушка, говорю!

Даша обаятельно улыбнулась, освежила в памяти парочку фраз из разговорника, проштудированного во время парижской одиссеи, чуть развела руками:

– Же не компран па, же сюи этранже… У э ле салон де куафюр ле плю прош, мадам?[1]

Мадам обозрела ее в некотором замешательстве, но, судя по всему, французскою мовой не владела совершенно. Пожала плечами, скривилась и пошла себе восвояси.

– Голову даю, супружница очкастого, – прошептал Славка. – Совершенно тот же звук ключа в замке. Жалко бедолагу…

Дверь загадочной квартиры отворилась, к ним спустился Воловиков – без пальто и шапки, без папочки, все с той же озабоченной миной на лице.

– Отбой, – сказал он тихо. – Можете отправляться по домам. Михалычу скажите, чтобы тоже уезжал. Меня потом отвезут. Ну, живенько! Так уж вышло… И возле дома не торчать, понятно? Приказ.

Повернулся и, чуть ли не прыгая через две ступеньки, поднялся к двери, громко захлопнул ее за собой.

[1] Я не понимаю, я иностранец. Где здесь ближайшая парикмахерская, мадам? *(франц.)*.

Оба, переглянувшись, побрели вниз. Ни особого разочарования, ни любопытства Даша не испытывала – случались ситуации и заковыристее. Если шеф посчитает нужным что-то рассказать, расскажет. Если нет – перетопчемся…

Передав Михалычу распоряжение шефа, она первой пошла к машине. Вставив ключ в замок, не удержалась, все же задрала голову. В кухне свет погашен, горит только в комнате, выходящей на балкон. Самые обычные занавески, задернуты плотно. Ничего интересного или зловещего…

Глава пятая
Когда умирают свои

Машина летела в нелюдском завывании сирены и мертвенном, бледном полыхании сине-красных огней – так, словно сидящие в ней задались целью предотвратить конец света. Даша терпеть не могла выезд «под фанфары», но сейчас, забыв о прежних пристрастиях, понукала водителя чуть ли не матами. Шофер, как ему и полагалось, творил чудеса, швыряя машину в любой наметившийся промежуток, вылетая на тротуары. Дашу мотало, как лягушку в футбольном мяче – привязалось читанное где-то или слышанное сравнение, – она, уцепившись за петлю над дверцей, вся подалась вперед, словно могла этим прибавить машине прыти.

И постепенно то, чего она подсознательно боялась, становилось реальностью. Сначала, когда в дверь отчаянно затрезвонил шофер, времени думать не было – наспех оделась, пристегнула кобуру и понеслась по лестнице, подгоняемая всего двумя словами, которые водитель чуть ли не проорал: «Воловикова замочили!»

Потом, когда машина помчалась, появилось время, чтобы подумать. Потому что они неслись по вчерашнему маршруту – на Каландаришвили, мимо магазина автозапчастей, мимо магазина джинсовых шмоток с горевшей круглосуточно сине-красной неоновой вывеской… Сначала можно было убаюкивать себя отчаянным стремлением к тому, чтобы все оказалось диким совпадением, что это произошло в другом месте. Однако, когда машина под отчаянный визг тормозов свернула на Короленко, метнулась к стандартной панельной девятиэтажке – той, вчерашней, – не осталось надежды…

Тот самый подъезд. Из-за того, что асфальтированная дорожка была узкой и тесной, казалось, будто машин там стоит немеренное количество, хотя, если прикинуть наспех, не более полудюжины…

Даша кинулась в подъезд, загрохотала по ступенькам, локтем отшвырнув незнакомого сержанта, дернувшегося было заступить дорогу. Дверь той квартиры – в самом деле, сорок шестая – была приоткрыта, на площадке хмуро курил долговязый проводник в форменном бушлате без погон, а рядом сидела его овчарка со столь равнодушным видом, словно прекрасно понимала, что работы для нее не предвидится.

Прихожая – чистенько, уютно, никаких особенных выкрутасов. Краем глаза Даша заметила на вешалке рядом с ярко-желтым пуховиком, женским, похоже, пальто Воловикова, а рядом с черно-бурой ушанкой – его коричневую формовку. Заглянула в полуоткрытую дверь. В комнате кучковались человек восемь, в форме и в штатском, она узнала некоторых, а среди незнакомых наметанным глазом моментально выделила понятых – по особой, неповторимой скованности. Здесь *его* не было.

Вторая дверь, слева. Даша схватилась за круглую ручку, сверкавшую фальшивой позолотой, потянула, толкнула, когда это ни к чему не привело, повернула направо. Ручка не поддалась.

– Налево, – подсказал кто-то сзади. – И на себя.

Мельком оглянувшись через плечо – ага, Витя Вермуш из районного угро, – она повернула ручку влево. Эта комната – поменьше, особенного беспорядка незаметно, разве что там и сям разбросана одежда, мужская и женская. Две почти пустых бутылки на столе, пара тарелочек с убогой закуской, посреди стола – длинная нагайка из темно-коричневых кожаных полос. Гильза от пистолетного патрона, еще гильза, еще…

Потом только она набралась духу взглянуть на труп, который она никогда в жизни не рассчитывала увидеть. Видеть шефа *таким* отчего-то казалось столь же противоестественным и нелепым, как если бы она узрела вдруг со стороны собственное остывающее тело.

Крови было не так уж много, и она давно успела подсохнуть. Воловиков, сыскарь от Бога, лежал на спине, подогнув голые ноги, в одной рубашке, застегнутой на пару нижних пуговиц.

Сознание раскололось надвое. Одна половинка выла в дикой, нечеловеческой тоске, другая деловито и профессионально оценивала увиденное. Одна пуля попала в лоб над правым глазом, еще две угодили в грудь – но, судя по длинному, узкому подтеку, видневшемуся из-под спины, была еще и четвертая. Вполне возможно, она-то, четвертая, как раз и была первой выпущенной: выстрел в спину, человек, еще не успев ничего осознать, всего лишь раненый не особенно тяжело, разворачивается к стрелявшему, получает еще три пули – раз, два, три, в упор!

Почувствовав, что сейчас и в самом деле завоет в голос, она шарахнулась, налетела спиной на Вермуша, тот торопливо посторонился, и оба вышли в коридор, тщательно притворив за собой дверь.

Даша не успела ничего спросить у старого знакомого – в прихожей застучали сапоги. Прямо на нее, целеустремленно, слепо шагал полковник Галахов в распахнутой шинели. Даша дернулась в сторону. Полковник одним движением повернул ручку влево, рванул дверь на себя. Вошел. За спиной у него тут же встали еще двое, заглядывая через плечо, – затылки были знакомые, но в нынешнем своем состоянии Даша никак не могла их опознать.

– С тобой все нормально? – озабоченно спросил Вермуш.

В глотке у нее стояла какая-то кислятина, и она, неопределенно махнув рукой, выскочила на площадку, выхватила из кармана пачку сигарет, затянулась, чтобы вытравить эту кислятину.

Вермуш с непроницаемым лицом стоял рядом. Овчарка, вывалив широкий розовый язык, пытливо разглядывала Дашу.

– Рассказывай, – сказала она, не узнавая собственного голоса.

– Психушка приехала раньше нашей машины…

– С самого начала, – сказала Даша так, что его невольно передернуло.

– Ночью соседи ничего особенного не слышали – временами взревывала музыка, но ненадолго. Выстрелов они, конечно, не привязали к конкретному времени, вообще не поняли, что были выстрелы – «что-то трещало», «что-то падало», один вообще решил, что это откупоривали шампанское. Так, кто-то что-то слышал сквозь сон… А около шести в сорок пятую принялась звонить эта девица – в одних плавках, чем-то красным измазанная, они сначала решили, что кетчупом, с пистолетом в руке. Тихо, спокойненько, вежливо стала просить подсолнечного масла, чтобы смазать пистолет, и так же спокойненько объяснила, что пистолет, когда из него кого-то убьешь, надо смазать непременно подсолнечным маслом. В сорок пятой дверь открывала жена хозяина, у нее от такого зрелища мгновенно язык отсох и наступило общее оцепенение организма, пролепетала что-то и захлопнула дверь. Девица опять стала названивать – теперь и в сорок пятую, и в сорок четвертую. В сорок четвертой живет отставник, даром что интендант, а быстренько определил, что пистолет у нее настоящий. Попросил девку подождать, схватил телефон и стал названивать в психушку – у них по подъезду уже шатались наркоманы, один почти так же выглядел… Девчонка тем временем преспокойно пела на площадке что-то веселое, плясала себе, народ выходил на работу и тихо офуевал, кто-то еще начал накручивать ноль-три, начиналось оживление… В общем, психушка все-таки приехала, не особенно и припоздав, а поскольку им с самого начала сказали по телефону про пистолет, а времена нынче сами знаешь какие, эскулапы решили не рисковать, заскочили предварительно в райотдел, взяли двух ребят из дежурной

части… Ничего особенного не было. Девка и у них вежливо попросила постного масла, не дергалась, не сопротивлялась. Прямо на лестнице у нее тихонечко вынули пистолет из руки, оттеснили в квартиру, там стали пеленать, сержант заглянул в другую комнату, увидел труп, нашел удостоверение в кармане…

Отметив краешком глаза легкое движение, Даша обернулась. Рядом стоял Галахов и внимательно слушал. Кивнул:

– Продолжайте.

– Вот и все, собственно… – слегка пожал плечами Вермуш. – Ее повезли прямиком в психушку, врачи настояли, а у нас началась свистопляска и суета.

– По квартирам уже пробежались?

– Так точно, – совсем не по-милицейски вытянулся Вермуш (видимо, и он был ошеломлен больше, чем хотел показать). – Ничего заслуживающего внимания. Только гражданка из сорок девятой видела вечером на лестнице подозрительную парочку, парень и девушка – раньше она их тут вроде бы не замечала, говорит, девка рыжая, приметная, опознает обязательно…

Галахов покривил рот в вымученной улыбочке, глядя на Дашу так, что она поняла: уже знает…

– Гражданку из сорок девятой повезли в райотдел, сделать фотороботы тех двух…

Галахов, с той же кривой полуусмешечкой созерцая Дашу, бросил:

– Ну, фоторобот – дело полезное… Девка пьяная? Под наркотой?

– Спиртным попахивало. Насчет наркоты пока неизвестно, врачи обещали в темпе сделать анализы… Но следов от иглы, сержант говорит, не было. Он парень опытный, навидался и разбирается… – Вермуш опустил глаза, словно бы поколебался. – Тут другое… У нее на спине с полдюжины ожогов, похоже, прикладывали сигарету. И нагайкой определенно прошлись, той самой. Там еще наручники, настоящие, но не наши, импортные, и еще, извините, товарищ полковник, парочка искусственных хренов, эксперт с ними уже поработал, говорит, не исключено, что были в деле…

Даше отчаянно хотелось проснуться. Она уронила под ноги докуренную до фильтра сигарету и спросила:

– А папку нашли? Желтая, кожзаменитель, на «молнии»?

– Надо уточнить… Да, вот ее паспорт, – Вермуш полез во внутренний карман, вынул книжечку в синей обложке, украшенной золотым двуглавым орлом. – Прописка другая, к этой квартире никакого отношения не имеет. – Он протянул паспорт Даше, чисто машинально, спохватился на полпути, нелепо дернув рукой, передал книжечку полковнику.

Даша исподлобья косилась на начальство – Галахов замещал пребывавшего в столице шефа шантарского УВД генерала Дронова (и, как шептались порой, легонько под Дронова копал). Лет пятидесяти, высокий, симпатичный, сугубый профессионал, прошагал все ступеньки служебной лестницы (а таких в милиции уважают), неглуп, душу по пустякам не вынимает… В общем-то, Даша с ним контачила мало, и чего сейчас от него ждать, решительно не представляла.

– Правду говорят, что беда одна не ходит… – Галахов, раскрыв синюю книжечку, показал ее Даше.

Довольно симпатичная девка, совершенно невинное пухлогубое личико. Беклемишева Евгения Павловна. Положительно, крутятся некие ассоциации, фамилия, мало того, что редкая, еще и знакомая. Павловна… Павел!

– Тот самый? – спросила она, не глядя на полковника.

– Именно, – бросил Галахов. – Банк «Электроникс-кредит» и все сопутствующее. Все понимают, что у нас здесь закручивается? – Он покосился на проводника, и тот в полнейшей

растерянности затоптался, едва не наступив на хвост собаке. – Господа сыскари, я вам вот что…

Он не успел закончить. Снизу послышался грохот шагов, на площадку прямо-таки ворвался высоченный мужчина в дорогой распахнутой дубленке и кое-как нахлобученной на голову шапке, из тех, что в старину звались «бобрячьими». Следом едва успевали двое верзил, одетых не менее добротно, – вот только физиономии у них были специфические, охранно-холуйские.

На площадке в мгновение ока стало тесно. Овчарка, предупреждающе гавкнув, отступила в угол и ощерилась. Банкир (и все сопутствующие) сделал было попытку с ходу прорваться в квартиру, но Вермуш и выскочивший из прихожей незнакомый старлей загородили ему дорогу. К ним чисто машинально дернулись охранники Беклемишева, возникла нелепая толчея… Слегка опомнившись, должно быть, Беклемишев жестом остановил своих бодигардов и, глядя на одного Галахова, рявкнул:

– Где Женя?

– В больнице, – с невозмутимостью, должным образом оцененной Дашей, ответил полковник. – На Королева.

Несколько секунд два верзилы мерились яростными взглядами. Потом Беклемишев рявкнул еще на полтона выше:

– И что, ее в самом деле сюда затащил ваш поганый мент?

Даша на всякий случай прикинула, как будет сшибать с лестницы ближайшего к ней охранничка: напряжение стояло такое, что достаточно неосторожного слова или жеста… Сам воздух, казалось, звенит, как лезвие ножа из хорошей стали после умелого щелчка ногтем по кромке. Овчарка напряглась, присев на задние ноги. «Еще прыгнет на спину, дура, – пронеслось в голове у Даши. – Тут ведь, кроме хозяина, и старлея, только один Галахов в форме, не объяснишь же ей…»

– Разбираемся, – сказал Галахов. – Темная история…

– Я спрашиваю – вашего мента она грохнула? И что там за нагайки? Тебя спрашиваю, пидер!

– Разбираемся, – чеканя каждую букву, сказал Галахов сквозь плотно сжатые зубы. Он великолепно держался, только на скулах заалели пятнышки. – Тихо. Ты меня понял? Разбираемся.

Увидев, что Беклемишев непроизвольно повернулся в сторону двух своих лбов, Даша легонько оторвала правую подошву от пола, изготовилась. Ворчала овчарка, все застыли нелепой скульптурной группой.

Наконец шантарский нувориш круто развернулся на пятках:

– В больницу, – и напоследок бросил всем сразу: – Ох, закопаю, пидарасня, с конторой вместе…

Кинулся вниз по лестнице. Следом, хмуро покосившись, заспешили охранники.

– Вот так, – сказал Галахов без выражения.

– Ночью соседи ничего особенного не слышали… – зачастил вдруг Вермуш.

– Потом, – Галахов шагнул на ступеньку ниже. – Дарья Андреевна, на пару слов…

Даша двинулась следом, все еще думая о том, как хорошо было бы проснуться – пусть даже в холодном поту. Тупое равнодушие пыталось перебороть звериную тоску.

Размашисто шагая – полы шинели мотались под ветром, – Галахов распахнул перед Дашей заднюю дверцу своего «форда», уселся рядом на заднее сиденье, ничуть не барственно бросил шоферу:

– Прогуляйся до киоска, купи какую-нибудь печенюшку без затей и дай проводнику, эсэрэска[2] ребрами светит. Да подольше погуляй…

Шофер послушно вылез наружу. Машина была роскошная – однокомнатная квартира на колесах, мотор едва слышно мурчал на холостых оборотах, печка гнала приятное тепло. Даша расстегнула верхние пуговицы куртки. Она не помнила, курит ли Галахов, и сигареты вытаскивать не спешила. Мимо рысцой пробегали утренние прохожие, как один, косясь на табунок милицейских машин.

– Курите, – сказал Галахов, сам вытащил пачку. – Вон там пепельница, потяните на себя язычок. Итак… У Воловикова был такой обычай – вступать с информаторами женского пола в интимные отношения? Только не надо ощетиниваться, Дарья Андреевна. Вы же прекрасно понимаете, какие вопросы всем, и вам в том числе, будет задавать прокурор, ребятки из «собственной безопасности», неровен час, кто-то еще…

– Никто не знает чужих информаторов, – сказала Даша.

– Вы же сыскари. Что-то непременно всплывало в пересудах, что-то долетало… Поймите, я не собираюсь ни смаковать, ни копаться в грязном белье – история тяжелая, всем будет долго икаться. И подготовиться нужно как следует. Я знаю, что дома у него были нелады…

Глядя в сторону, Даша сказала:

– В прошлом году, после одной встречи я, пожалуй, могла сделать такой вывод. Для конкретного случая. И, насколько я поняла тогда, не было нужды уговаривать, а тем более принуждать.

– А если взять более глобально? Соответствовало это его натуре – плеточки-наручники, прижигание сигаретами?

– Я с ним не спала, – сухо сказала Даша. – Но, по-моему, он был вполне нормальным мужиком. В этом плане. Не мог он напиться до изумления и развлекаться подобным образом… – Она помедлила, но все же продолжала: – И потом… Даже если вдруг предположить, что он сбрендил и стал баловаться сексуальным садизмом, ни за что не поверю, что какая-то соплячка смогла его положить из его же собственного ствола. Он был профессионал. Есть вещи, накрепко вбитые в мозг – даже у тех, кто набрался до потери контроля или поехал крышей… Почему вы не спрашиваете про вчерашнее?

– А мне достаточно того, что рассказал его шофер. Он видел, как вы торчали на площадке. И поскольку ему Воловиков не поведал ровным счетом ничего, легко предположить, что и вы оба ничего не знали… Правильно?

– Правильно, – сказала Даша. – Оказалось, что мы ему не нужны, и все уехали. Он сказал, что его отвезут… Вот вам еще один аргумент – ну кто в здравом уме потащит на встречу с девкой такой хвост? В виде нас троих? А вчера вечером он был совершенно таким же, как обычно. Как ни прокручиваю в памяти, ни малейших отличий вспомнить не могу.

– Логично… В общем, всем, кто будет вести расследование, говорите чистую правду… В папке, о которой вы упоминали, были какие-нибудь документы?

– Не знаю, – сказала Даша. – Просто папку он взял с собой.

– А ваши соображения?

– Ловушка, – сказала она. – Представления не имею, как его сюда заманили, но примитивом здесь и не пахнет, следовало очень постараться… Возможно, информатор его сдал.

– А могла этим информатором быть дочка Беклемишева? Могла ли она вообще быть его информатором?

Даша подумала, мотнула головой:

---

[2] СРС – служебно-розыскная собака. Здесь и далее прим, авт.

– Не знаю. Теоретически – да. Почему бы и нет? Беклемишев у нас по разработкам не проходил… не было такого, на чем имело смысл *чувствительно* его прищемить. А все прочее – булавочные уколы, артель «Мартышкин труд».

– Вы знали, что Беклемишев играл в команде Фрола?

– Это каждый сержант знает, – сказала Даша. – Хотите сказать, без Фрола команда моментально разболталась и перестала соблюдать неписаные привила? Плохо верится. Очень уж было бы… молниеносно.

– Вот то-то и оно… – протянул Галахов. – Но как первый звоночек грядущего «черного передела» мы это можем квалифицировать?

– Вот так, с ходу? Я бы не взялась…

– Беклемишев как-то пересекался с Маргаритой Монро?

– Как многие, – сказала Даша. – Кабак «Золото Шантары», все эти презентации… Но ни спонсорства, ни постели мы пока что не вскрыли.

– Представляете, что он нам теперь устроит?

– Даже слишком хорошо, – сказала Даша. – Пресса, ящик, вопли и клацанье клыков… Самое печальное – в его положении даже нет нужды покупать парочку прокуроров или ту же прессу – они и за бесплатно вылезут из кожи. Ох, в какой мы заднице, простите вульгаризм…

– Это не вульгаризм, а точное определение, – печально ухмыльнулся полковник. – И – ваши действия?

– Землю грызть буду и когтями рвать, – сказала Даша, захолодев от тихого бешенства. – За все… За него в первую очередь. Это уже законченный беспредел.

– О ваших когтях, простите за банальность, наслышан… То, что я вам сейчас скажу, Дарья Андреевна, будем знать только мы двое. Вчера вечером, перед тем как уехать из управления, Воловиков мне сказал, что завтра уже с утра сможет положить на стол крайне любопытный материальчик по убийству Маргариты Монро. Его собственное выражение – «крайне любопытный»… Теперь понятно, на что его могли поймать?

– Ч-черт… – выдохнула Даша.

– Переведите, – спокойно попросил Галахов.

– Мгновенно всплывает множество версий, самые разные комбинации. Скажем, «крайне любопытный материальчик» был не более чем наживкой. Или – ему в самом деле кто-то хотел сдать некий материал, но «протечку» вычислили, и где-то сейчас валяется еще один труп. Лично мне вторая версия представляется более правдоподобной. Потому что мы практически и не продвинулись по убийству Монро, к чему было убивать его так спешно?

– Есть третий вариант. Его убили из-за чего-то, что не имеет к смерти Монро никакого отношения…

– Я же говорю – масса вариантов, – сказала Даша. – Но самое мне непонятное – почему его убили именно в квартире? Точнее, почему не отвезли труп за пару километров, не инсценировали нападение шпаны?

– Возможно, потому, что видели ваши машины.

– Ну и что? – пожала плечами Даша. – Утречком нам открыл бы некий пенсионер, который в жизни не видел никакого начальника угро. И что ему предъявлять? Разве что квартира изрядно запачкана, и *они* побоялись…

– Похоже, мы с вами твердо сошлись на том, что убила его не дочка Беклемишева?

– Выходит, так, – сказала Даша. – Учитывая все обстоятельства. Никак не могла его взять холеная сопля… Я бы не исключала и того, что Беклемишева сюда припутывают в рамках какой-то игры. Ох, пахота предстоит…

– Вот, кстати, о пахоте, – сказал Галахов после короткого молчания. – Я все понимаю, но нам придется некоторые вещи обсуждать прямо сейчас… Как вы отнесетесь к тому, Дарья

Андреевна, что в самом скором времени, когда на Черского встанет вопрос, я буду представлять на место Воловикова именно вас?

Теперь замолчала она – довольно надолго. Протянула:

– С удивлением, вот что. Никак не ожидала.

– А что, видите в этом нечто необычное?

– Ну… Не то чтобы… Однако… Так необходимо обсуждать это именно сейчас?

– Почему бы и нет? Есть, увы, профессиональный цинизм… Разумеется, вам придется какое-то время пробыть и. о., но это не столь уж существенно.

– И на меня мгновенно обидится уйма народа.

– А если мне, извините, насрать на чувства обиженного народа? – жестко спросил Галахов. – Вы хорошая клыкастая собака. Вы это неоднократно доказывали. Вам едва тридцать. Послужной список соответствующий. С Москвой разберемся. Вам не придется особо «вникать» или «осваиваться»…

– Это означает, что мне придется играть в вашей команде? – напрямик спросила Даша.

– А вы не хотите играть в моей команде?

– Ну, так я вопрос не ставлю… Скорее – еще не вполне освоилась с мыслью, что мне непременно надо играть в чьей-то команде.

– Вот и осваивайтесь. Не нами придумано, не на нас и кончится… – в его голосе звучала неподдельная серьезность. – Я к вам немножко присмотрелся. Откровенно скажу, кое-что в вас мне не нравится, но того, что нравится, – больше. В качестве начальника городского угро вы для меня предпочтительнее многих других.

«Весьма откровенно и многозначительно, – подумала Даша. – Он говорит так, словно уже занял кабинет Дронова. Сожрать Дрына он не сможет, голову даю на отсечение. Значит, что-то другое, Дрын, вероятнее всего, идет на повышение, на Черского он идет, то-то и московская поездка генерала в эту версию отлично вставляется…»

– Для меня это чертовски неожиданно, – сказала Даша. – Пошлая фразочка, затертая, но ничего другого на ум не приходит.

– Но принципиальных возражений нет?

– Нет, пожалуй…

– Ну и прекрасно. Я подниму этот вопрос в самое ближайшее время, так что привыкайте…

– Вы что, полностью уверены…

– Иначе не стал бы заводить этот разговор.

«Ох, мужики, – подумала Даша, – все бы вам суперменов корчить, челюсть выпячивать… Но он и в самом деле чертовски целеустремлен и, как толкуют, всегда добивался своего. Есть еще и такой аспект – столь неожиданно предложенная должность дает не в пример больше возможностей, чтобы отыскать тех, кто все это устроил, и размотать их кишки по окрестным кустам… Кишки должны висеть по кустам, и никак иначе…»

– Отвечаю на невысказанный вопрос, – сказал полковник. – Сексуальной подоплеки просьба не искать. А то кто вас знает, вдруг никак не можете забыть историю с Фалиным…

Это было произнесено с прежней серьезностью, без малейшей шутливости. «И про Фалина знает, – отметила Даша самую чуточку смущенно, – а ведь та история вроде бы надежно похоронена в тех архивах, что никогда не ложатся на бумагу…»

– Вермуш маячит, – сказала Даша. – И давненько.

Действительно, Вермуш давненько уже топтался под бетонным козырьком, не решаясь прервать деловую беседу начальства, но определенно с умыслом держась на виду и не сводя глаз с «Форда».

– Ну, у нас вроде бы все оговорено… Пойдемте, узнаем, что там. Да, вот что… По убийству Монро работайте, как крутой бульдозер. Если понадобится, любое прикрытие гарантирую.

«Так недолго и шизофреничкой стать», – подумала Даша, вылезая вслед за ним из теплой машины. Вот она, оборотная сторона бытия любого, даже мелкого начальничка. Снова начинаешь гадать, нет ли тут коварной интриги. Кто-то ни за что не хочет, чтобы убийца Маргариты оказался под небом в клеточку, а другой клан, наоборот, этого жаждет, потому что удастся запихать в мясорубку чьи-то, на взгляд непосвященного, совершенно посторонние хвосты… Нет, ну каково? Дашенька Шевчук – шеф городского угро…

– Нашли папку? – первой задала она вопрос.

– Папку не нашли, нет ее нигде, – сказал Вермуш быстро. – А вот автомат нашли. В диване. «Семьдесят четвертый», коротыш, три снаряженных магазина тут же. В консервирующей смазке, только протереть – и можно пускать в дело. На магазинах эксперт нашел мелкие отпечатки, сейчас фиксирует.

Почему-то Даша нисколечко не удивилась – автомат и автомат, плевать, сам по себе он остается форменной ерундой, неясно, с чем его хотят связать *устроители*…

Видимо, у Галахова родились примерно те же мысли, он даже легонько пожал плечами:

– Ну, оформляйте по всем правилам… Насчет хозяина квартиры ничего не прояснилось?

– Пока нет. В паспортном говорят, что старый хозяин давно выписался, квартирка, похоже, прошла через несколько рук… – Он выжидательно помолчал и, поняв, что начальство не горит желанием расспрашивать его далее, нырнул обратно в подъезд.

– Как наша конспиративка квартира не проходит? – спросила Даша.

– То-то и оно, что нет… Я уезжаю, Дарья Андреевна. А вы свяжитесь с дежурной частью и от моего имени прикажите быстренько подбросить сюда полдюжины омоновцев. Чует мое сердце, Бек сюда очень быстро пошлет щелкоперов, отгонять придется, как мух поганых… Никаких сомнений. Дочку он, разумеется, светить не будет, но от вендетты не откажется, и, я так предполагаю, в газетах вскоре замелькает этакая «мадемуазель Икс» из приличнейшей семьи… Да, квартира ваша на сигнализации?

– С недавних пор, – сказала Даша. – На пульте у вневедомственной. Есть кнопка.

– Прекрасно. И все равно, я вам подошлю Граника, пусть поколдует со своими аппаратами.

У вас, как мне говорили, со старшим группы, что работает по Монро, нечто вроде старой боевой дружбы? То-то вас обоих вчера и задействовали… Вот и отлично. Постарайтесь самые серьезные разговоры по делу Монро и… сегодняшнему в управлении не вести. Лучше это делать у вас дома, пусть старшой подъезжает. Если у него нет разгонной машины, распорядитесь выделить. *Все* разговоры не стоит переносить домой, должно оставаться впечатление, что следствие идет своим чередом, без оглядки на стороннее противодействие или любопытство, но тем не менее…

– Даже так обстоит? – тихо спросила Даша.

– Даже так. И не воображайте, будто я от вас что-то скрываю. Мы в одной упряжке, но пока что ничего конкретного у меня нет… Счастливо. – Он кивнул и направился к машине, возле которой уже маячил вернувшийся водитель.

«Дела, – озадаченно подумала Даша. – Во что это меня самым старательным образом впутывают? Надо немедленно прокрутить узловые точки с Воловиковым…»

И сжалась, как от удара, вспомнив, что с Воловиковым ничего уже больше не обкрутит, что он, давно уже захолодевший, лежит наверху.

…Она легонько надиралась в полном одиночестве. Родителя дома не просматривалось еще со вчерашнего вечера. Сидела в полумраке, при зажженном ночнике, с сухими глазами и

тупо ноющей иголочкой в районе сердца, прихлебывала миндальную настойку и честно старалась отрешиться от всего под оравший с раскованной хрипотцой голос Маргариты Монро:

– Притон, прощай, не забывай,
уходим в путь далекий,
прощай, земля, нас ждет петля
и долгий сон глубокий!
Нам предстоит висеть в ночи,
качаясь над землею,
и нашу рухлядь палачи
поделят меж собою!

Вяло отметила чуточку помутненным сознанием, что уж эта-то песня успехом пользовалась – и вряд ли кто-то помнил, откуда позаимствованы слова…

Как это обычно и случается, все размолвки, выволочки и нешуточные конфликты, связанные с Воловиковым, начисто исчезли из памяти. И это правильно. Ибо – пустяки и тлен. Он был правильным ментом, его, Даша не сомневалась, заманила в ловушку какая-то крайне умная и расчетливая сволочь. Мучительно было думать, что шефа положат на Кагалыке чуть ли не украдкой. Наверху уже успело сформироваться *мнение*, что именно так и надлежит поступить – по большому счету, все думали то же, что и Даша (а если какой козел в погонах и думал поперек, то не высказывал этого вслух), однако, как водится, приходилось считаться с обстоятельствами смерти и с тем, что не было пока реабилитирующих фактов. Не так уж трудно просечь ход мыслей начальства. Тем более, что Галахов без особого напряжения интеллекта оказался пророком – машина с омоновцами подъехала всего на пару минут раньше репортеров. Шакалов пера и камеры, разумеется, в подъезд не пустили, но они уже прекрасно знали, чей труп лежит в квартире. Словом, предстояло не только отыскать того, кто убил, но и самым недвусмысленным образом очистить имя Воловикова.

Но она пока что представления не имела, с чего начать. Хозяина квартиры так и не разыскали, как ни старались. Соседи ясности не внесли: кроме Даши со Славкой, зафиксированных бдительной склочницей с эрделем, кандидатов в подозрительные личности не имелось. Эскулапы из психушки клялись и божились, что в крови гражданки Беклемишевой не обнаружено ни малейших следов наркотиков – правда, тут же честно признаваясь, что не смеют утверждать, будто наркотиков в крови не было *вообще*. Некоторые производные ЛСД исчезают из организма минут через сорок после приема (что Даша знала не хуже медиков). Как бы там ни было, мамзель Икс из приличной семьи ничего не симулировала – и вправду пребывала в состоянии стойкого психического расстройства невыясненной пока природы, а потому, напичканная психотропами, спала, как чурбан, в отделении для буйных (где, несмотря на все замки, засовы и решетки, все же поставили по личному распоряжению Галахова милицейский пост). Не было концов. Что бы там ни лежало в желтой папке, она исчезла, а значит, что-то там все же было…

Вдобавок ко всему в ларьке, где Даша затаривалась пивом, оказалось только «Боярское». Пришлось взять. Дело в том, что на этикетке «Боярского» в облике то ли ухаря-купца, то ли вельможного боярина был изображен не кто иной, как Беклемишев, с подрисованной бородой, которую он по жизни не носил. Понятное дело, произошло это отнюдь не случайно, а с подачи самого банкира-промышленника. В самые первые, дурные годы перестройки он не соблазнился, подобно многим, ерундой в виде редкоземельных элементов или турецких шмоток, а прихватизировал шантарский дрожжевой завод, что позволило очень быстро взять за глотку пивзаводы не только в Шантарске, но и в двух прилегающих губерниях. Ну, а с теми, кто пытался устроить демпинг на привозных дрожжах, быстро приключались вся-

кие грустные неприятности (парочку исполнителей Даша с Воловиковым исхитрились посадить, но клубочек, конечно же, не размотали).

А в общем, ничего страшного. Приготовленные напоследок пивные бутылки всегда можно было повернуть этикеткой к стенке, что Даша и сделала. Пиво, в конце концов, было неплохое.

А если проявить некоторую терпимость, Беклемишева тоже можно понять, но от этого не легче…

Когда в дверь принялись звонить (не нахраписто, однако целеустремленно), пришлось идти открывать. Сунув, понятно, в карман халата маленький тяжелый ПСМ. Это мог оказаться и Славка, получивший строгий приказ звонить или приезжать в любое время.

Пальцем в небо. Правда, визитера все же никак нельзя было назвать посторонним. В глазок Даша узрела льняные кудри сержанта Феди, былого сподвижника по прошлогоднему делу сатанистов. Правда, ныне это был первокурсник шантарской милицейской школы. Особенных трудов, чтобы его туда протолкнуть, Даша не прилагала – деревенский уроженец оказался парнем головастым и экзамены проскочил легко. Из деревенской провинции вышло много головастого народа – вспомнить хотя бы Шукшина, Ломоносова и Наполеона…

В другое время она и ощутила бы легкую досаду (экс-сержант и нынешний курсант был по-прежнему влюблен в нее по уши и под самыми дурацкими предлогами навязывался в гости), но сегодня она, пожалуй, даже обрадовалась компании. Однако порядка ради строго поинтересовалась:

– А сегодня что, друг мой Теодор? Учебник «Прокурорский надзор» срочно понадобился, а в библиотеке его нету?

Судя по смущенно-решительной физиономии друга Теодора, она если не угадала, то влепила где-то в девятку. Неотвязный обожатель нацелился бормотать что-то насчет срочной потребности в учебниках и готовности незамедлительно убраться, если он нагрянул не вовремя.

– Ладно, – сказала Даша. – Нет у меня любовника под кроватью. Заходи, молодое поколение, алкоголь будем пьянствовать за помин души…

Провела его в дальнюю комнату, где обосновалась править маленькую тризну, налила полный стакан, пояснив:

– Как опоздавшему. Жахните, Теодор, за помин души правильного мента… Авось и за нас потом кто жахнет.

Федя браво выцедил стакан, откусил половину конфеты и сказал:

– У нас никто не верит, будто…

– Цыц, – сказала Даша. – Давай без речей, мне и так тошно. Мне еще эту погань искать, а потом кишки на плетень наматывать, так что разливай по второй…

С облегчением отметила, что все же немножко захмелела, не настолько, увы, чтобы отлетела тоска. Столько, пожалуй, не выпить, завтра надо работать, да и ничего почти не решает алкогольное забытье…

– А помочь не нужно? – спросил смирнехонько сидевший в тени гость. – Если что, парочку ребят всегда на крылья поставлю.

– Что, в авторитете ходишь?

– Ну не так чтобы… Я особо не хвастаюсь, только про эту медальку и так знают, под чьим началом я ее заработал.

Даша всмотрелась – ясное дело, молокосос невольно покосился на медальку, каковую, конечно же, таскает не снимая.

Капелька прошлогоднего «золотого дождя», пролившегося с вершин на участников «дела о двадцать пятом кадре», досталась и сержанту.

С сержантами это тоже случается – в таких случаях.

Она прикончила очередную дозу, не утруждая себя закуской, хмыкнула:

– Героически подтаскивал патроны, пока Рыжая лежала за пулеметом. Девки млеют… Ладно, Теодор, не обижайся, настроение такое.

– Да я на вас никогда не обижаюсь, – заявил Федя таким тоном, что и сопливая первоклассница просекла бы недвусмысленное объяснение в любви.

Даша задумчиво смотрела на него. В голове немного плыло. Как частенько случается с пьяными, даже в подобных сегодняшнему случаях, пришла пора жалеть не других, а себя. Собственное угрюмое одиночество нормальной во всех отношениях бабы. И никуда не денешься от неприкрытого цинизма, хоть ты тресни. Особенно если перед тобой сидит обожающий мужик, с которым во многих отношениях не просто легко – архиудобно… «Стерва ты, Рыжая, – самокритично сказала она себе с пьяноватой ухмылочкой. – Давно тебя не раскладывали по-хорошему, вот и бесишься».

И преспокойно закинула ногу на ногу, не озаботившись поправить разлетевшиеся полы халата. Вылив полстакана, спросила:

– Друг мой Теодор, похожа я на стерву?

– Ерунда какая, – чуть сдавленно ответили из темноты.

– Вот и не ерунда, – сказала Даша. – Поди-ка не стань стервой на моем-то месте… Хорошо все обдумал?

– Что?

– Да не прикидывайся ты, – сказала Даша спокойно. – Хорошо. Я не железная. Только чтобы не хныкать потом… Со мной, знаешь ли, тяжко. Такая уродилась. Нижнюю челюсть подбери, правильно ты меня понял, правильно… чтоб никакого мне мужского превосходства, ясно? Не проходят со мной такие номера. Иди сюда, не мне ж к тебе подходить, как той рябине к дубу… Ну?

Встала, выпрямилась и взялась за широкий поясок халата. Забыться хотелось – спасу нет. И никаких, если вдуматься, подлостей она не совершала, просто уступила в конце концов, и, что немаловажно, не переходя в подчиненное положение. Не гимназист, уксусом травиться не будет, ежели что, на аркане никто не тянул, сам напросился…

Вся эта дурь вертелась в голове, пока бравый курсант снимал с нее халат, действуя, конечно, неуклюже от волнения, но и не столь бездарно, как можно было опасаться. Оказавшись на диване в самой классической и незамысловатой позиции, она решительно пресекла шепотки-вздохи, торопясь побыстрее выбросить из головы все печали, помогла незнакомой плоти закрепить окончательный успех и блаженно прикрыла глаза после первого толчка, ощущая, как голова понемногу становится восхитительно пустой.

Глава шестая
Когда умирают чужие

Наутро она чувствовала себя прекрасно – голова вовсе не болела, ни похмельных терзаний, ни похмельного раскаяния. Ночь получилась отличной – неожиданный любовник, очухавшись от первых восторгов, взялся за дело обстоятельно и неспешно, не чураясь экспериментов и замысловатостей. А утром Даша его без всяких трудов подвигла на новые подвиги, так что отдохновение души и тела было достигнуто. А главное, удалось благополучно избежать неизбежных порой в такой ситуации утренних неловких попыток определиться в ситуации, натянутого молчания и тщательно подбиравшихся фраз. Даша просто-напросто со всей непринужденностью вытащила его из постели и препроводила на кухню готовить кофе, продуманными репликами втолковав, что ни о чем она не сожалеет и готова продолжать при одном-единственном условии – если не будет тех восторгов и нежностей, что испокон веков проходят по разряду щенячьих. Более взвешенные допускаются.

Кажется, удалось. Правда, мужская психология неизменна и просчитывается наперед: Федя, несмотря на некую ошалелость, все же не смог скрыть этакое легкое самодовольство, идущее прямиком от Адама. Даша, однако, смолчала, резонно решив, что всегда успеет поставить на место деревенского богатыря.

Накормив и напоив, со всей тактичностью взялась выпроваживать, сказав чистую правду о куче предстоящих дел.

Ключ звонко провернулся в замке, когда Федя уже брался за головку замка.

– Полное спокойствие, – сказала Даша. – Не от школьницы ускользаешь утренней порой…

Она чуть отступила, и в прихожую ввалился загулявший родитель, отставной милицейский майор, невысокий и крепенький, как гриб боровик. Как любой на его месте, малость опешил, нос к носу столкнувшись с парочкой. Даша преспокойно сказала:

– Надо же, в одной прихожей негаданно столкнулись два майора – сюрреализм… Федя, это папа, папа, это Федя… вы вроде бы уже друг другу были представлены, помнится? Федя – моя личная жизнь, что следует принимать столь же философски, как радугу и снег. – Запахнула халат поплотнее, чтобы не так бросались в глаза имевшиеся пониже шеи следы неподдельного проявления чувств. – Иди лопай кофе, майор, только мне оставь, знаю я тебя…

Федя, застыв соляным столпом, медленно пунцовел. Даша быстренько вытолкнула его на площадку, вышла следом, закрыла за собой дверь с автоматическим замком. Чмокнула в щеку и нежно сказала:

– Теодор, мне с тобой великолепно. Но любовник Рыжей – звание обязывающее. Если протрепешься – оторву все, что под руку подвернется…

Носитель обязывающего звания таращился на нее преданно, вожделеюще, вдруг сцапал и прижал к себе – так, что Даша на долю секунды мысленно рассопливилась, как школьница. Обозвав себя стервой, деликатно высвободилась.

– Соседи узрят… Шагай.

– Я тебе правда нужен?

Она кивнула, прикрыв глаза, услышала в квартире пронзительную трель телефонного звонка и встрепенулась:

– Ну вот, началось… Шагай.

– А…

– Позвоню. В общагу, – и, отвернувшись, позвонила в дверь.

Майор открыл не сразу, заторопился:

– Славка звонил. Сказал, сейчас приедет.

– Это просто замечательно, – задумчиво сказала Даша, проходя мимо него в кухню. – Это великолепно, майор…

Майор топал следом, демонстративно вздыхая. Она налила себе полуостывшего кофе, пожала плечами:

– Ну, так какие проблемы? Рожи скорбные?

– Молод…

– Двадцать два, – сказала она, присаживаясь у стола. – Не дите. В конце-то концов, майор, когда ты пропадаешь у подружки лет на пятнадцать тебя моложе, это называется мужской предприимчивостью, а? Ну, а когда я завожу друга на восемь лет меня моложе, это вдруг называют нехорошими словами, пусть мысленно… Нелогично.

– Феминистка долбаная… – проворчал майор.

– Женщина, – сказала она, отмахнувшись. – Совершенно нормальная, между прочим… И он мне, кстати, не подчиненный, так что никакая сволочь не прицепится.

Осушила чашку одним глотком. Вновь наваливалась тоска и подступала смурная реальность. Даша направилась к себе в комнату и быстренько уничтожила следы бурной ночи.

Звонок в дверь она услышала, лежа в ванне. Заторопилась, протерлась насухо махровым полотенцем, натянула джинсы и свитер. В свою комнату входила уже с абсолютно деловым и спокойным лицом – гончая на тропе, Рыжая…

Впрочем, Славка вряд ли стал бы интересоваться ее личной жизнью, даже располагая массой свободного времени. А уж теперь – тем более. Лицо у него было озабоченное до предела.

– Ну? – спросила Даша с ходу.

– Как в анекдоте. Есть две новости, плохая и хорошая. Тебе которую первой выложить?

– Ту, которая короче, – сказала она после секундного размышления.

– Гражданку Евдокимову, сиречь горничную Ниночку, вот-вот оприходуют. Не смогла растаять в воздухе…

– Жива, значит? – облегченно вздохнула Даша.

– Живехонька. Вычислили, стали сжимать кольцо, а там она и сама не выдержала жизни в бегах – стала понемногу пытаться установить контакт с ближайшими друзьями-подругами, была парочка телефонных звонков, пришел гонец, пацан, которого она наняла… Словом, обложили две квартиры, очень может быть, уже и взяли, пока я к тебе ехал…

– Давай плохую, – сказала Даша.

– Сагалова убили. На другой день после смерти Маргариты.

Даша добросовестно напрягла тренированную память:

– Сагалов… Художник, который ее рисовал а натюрель?

– Ага. И еще, как выяснилось, накропал ей пару текстов – «Диснейленд» и «Бессонницу», если конкретно. Дело в районной уголовке, там еще не все утрясли… да и не знаю пока, надо ли утрясать. Как распорядишься. Может, и не понадобится забирать, хотя я бы забрал…

– Интересно, – сказала Даша. – Не так часто приходится видеть сыскаря, добровольно взваливающего на себя чужую работу… Что там?

– Нашли его не сразу, пролежал в квартире часов восемь. Потом приехала нынешняя официальная подружка, согласно своему статусу имевшая ключ от квартиры, вошла, сомлела, и началась кутерьма. Судя по первому впечатлению – классический гранд мокрый.[3]

[3] Гранд мокрый – разбой с убийством. *(Прим. авт.)*.

Зарабатывал он неплохо, в отличие от иных собратьев по цеху, пил не ведрами, а стаканами, дома были и баксы, и аппаратура, и шмотки… Надо полагать, пасли. Рассчитывали, что дома его не будет, а он, должно быть, заявился в неурочное время. Три ножевых раны. Положили на месте. И спокойненько дочистили квартиру. Списочек, по словам той подруги, вышел неслабый – хотя, такое впечатление, все же нервничали и до конца подчищать не стали. Все, как обычно: кто-то видел двух парней с сумками, да не стал присматриваться, кто-то видел незнакомую машину… Бригантину,[4] кстати, нашли довольно быстро – утром того дня была угнана с Кутеванова, стояла километрах в десяти от дома Сагалова…

– А ты как на это дело вышел? – спросила Даша. – Через районщиков?

В его улыбке просквозила законная гордость профессионала.

– Да не совсем… Мы, как путние, принялись названивать в квартиру – и напоролись на соседку. Очень удачно, я тебе скажу, напоролись. Ты Коровина из тамошнего угро помнишь?

– Рожа вечно кислая?

– Ага. Он вообще, по секрету говоря, тип неприятный. Вот потому-то с соседской бабкой у него контакта не получилось. Отпугнул ее кислой рожей, цедил сквозь зубы, смотрел так, будто ее саму подозревает… Словом, бабулю он не обаял. А мой Костик, сама знаешь, парень обаятельный, щеки пухлые надует, бородку потеребит, глянет беспомощно… Бабуля была с покойным в самых теплых отношениях – она хоть и бабуля, но в прошлой жизни актриса драмтеатра. Подозреваю, на амплуа «кушать подано», однако это, в принципе, неважно. Одного круга индивидуумы. Она у него даже иногда убиралась, имела ключ…

– Ага, – сказала Даша. – Угадываю ход мыслей Коровина. И проистекавший отсюда стиль общения. Ничего удивительного, что бабка обиделась. Дальше?

– Бабуля до сих пор питает неистребимую страсть ко всяческим светским сплетням. Живая старушка, вроде генералиссимуса Суворова, только что через стулья не прыгает… По ее словам, к милейшему человеку Мише Сагалову несколько раз приезжала Маргарита Монро – со всем шармом выпархивала из роскошной черной «Волги». Стекла тонированные, отделка нестандартная, антенн побольше, чем у их дома на крыше… И, по наблюдениям старушки, не раз визиты затягивались заполночь, вполне возможно и до утра. Точнее старуха, понятно, не выясняла – интеллигентные люди, напрямик не спросишь.

– Ну, вообще-то… – задумчиво сказала Даша. – То, что Маргарита с ним порой амурничала, человек пять заявляли…

– Погоди. Во-первых, бабушка Изольда запомнила номер той шикарной «Волги». А я быстренько машину установил. «Волга» из того мини-автопарка, что закреплен за губернатором. И пользуется ею главным образом господин Камышан Сергей Вячеславович, помощник губернатора. У нашего воеводы уйма помощников – как губернатора, члена Совета Федерации. Под этой маркой, сама знаешь, проходят и охранники, и просто мелкие холуи… Но, Камышан, насколько выяснили, и в самом деле помощник. Этакий адъютант.

– Фотографии не раздобыли?

– Нет пока, – сказал Славка. – Обещали тут в одном месте…

– А ту, где Марго на шикарной даче, не догадался показать? Вдруг один из них и есть Камышан?

– Некому ее пока что показывать, – сказал Славка. – Все, что мы на данный момент выяснили, решалось исключительно по телефону…

– А бабушка Изольда?

– Из машины всегда выходила одна Маргарита. Никакой мужчина ее не сопровождал.

---

[4] Бригантина – автомашина (обычно угнанная), которая была использована при совершении преступления. *(Прим. авт.)*.

– Логично, – сказала Даша. – Вряд ли она к любовнику с кавалером ездила… Ну, ясно. То, что Камышан любезно предоставлял в ее распоряжение свою машину, сможет умозаключить и стажер. А это подразумевает… Нет, ничего это еще не подразумевает. Может, Камышанов шофер с ней как-то пересекался по жизни, то ли калымил, то ли что… Ничего это не доказывает, Слава. Машина и машина… Что там у тебя – «во-вторых»?

– А вот… – сказал он загадочно, вытаскивая из папки желтый огромный конверт. – При Коровине бабушка Изольда о нем и не заикнулась, а нам отдала… Точнее, Косте отдала, – честно поправился он. – По ее словам, Сагалов этот конвертик оставил на хранение. На всякий случай. Так и сказал – на всякий случай. Никаких инструкций не дал, никаких надписей на конверте не делал. Изольда решила сначала, что там деньги, хотела даже попенять, что он не доверяет подруге, такой симпатичной и интеллигентной девушке… А он с крайне загадочным видом сказал – я цитирую дословно, в передаче старушки: «Это, Изольда Викторовна, и ценнее денег, и в сто раз опаснее… Для меня одного».

– И ценнее и опаснее – для него одного?

– Вот и Изольда то же самое спросила. Он подтвердил, что именно так дело и обстоит. Для других это и безопасно, и не стоит ни черта…

– Конверт был заклеен?

– Ага. Мы потом вскрыли, в машине. Сначала прощупали как следует, мало ли что… Пожалуй, покойничек не соврал. Сама посмотри.

Даша запустила два пальца во вспоротый сбоку конверт. На стол легли с полдюжины листов плотной бумаги. На каждом – не менее дюжины небольших рисунков разноцветными, яркими красками. Сначала Даша перебирала их, разглядывала, потом стала понемногу замечать некую закономерность. И через несколько минут разложила листы в ряд:

– Может, последовательность немного и не такая, но общее направление… Уловил?

– Вроде.

На четырех листах – небрежные, неряшливо-торопливые наброски. На двух – уже окончательно сформировавшаяся картинка. Нечто вроде герба. Пожалуй, больше всего именно герб и напоминает. Медведь меж двумя то ли соснами, то ли кедрами, снизу вьется лента с надписью «Siberia», сверху – золотое солнце. Два медведя держат щит с сосной и солнцем. Еще медведь – стоит на задних лапах, опершись на золотой топор. Снова медведь – на сей раз на фоне бело-зеленого щита, и на топор он не опирается, а держит так, словно собрался кого-то рубануть.

– Смотри, – сказал Славка. – Тут у него сначала в эскиз настойчиво просились соболя… Только дальше примитивных набросков дело не пошло. Остались разномастные медведи. Лично мне вот этот нравится – который с топором на разборку собрался.

– Медведь авторитетный, – кивнула Даша. – Только вот пошто эти художества оказались и ценны, и опасны для покойничка? Для него одного? Может, он в конкурсе на герб Шантарска участвовал? Так ведь это было давно, все кончилось… И тот герб, что официально утвердили, ничем эти художества не напоминает…

У тебя соображения есть?

– Никаких. Но ради чего-то же делал захоронку у соседки?

Даша старательно сложила листы, засунула их в конверт:

– Актом изъятия оформил?

– Обижаешь.

– Приобщай к делу, вот и все, что тут скажешь… Поехали в контору.

– Да, а знаешь, кого я видел, когда к тебе подъезжали? Федю помнишь? Который у тебя в прошлом году шоферил?

– Припоминаю смутно, – сказала Даша, не моргнув глазом.

– Шел, такое впечатление, земли не чуя под ногами, улыбка совершенно блаженная, словно ему только что генерала присвоили, чуть под машину не угодил…

– Поехали, – сказала она, вставая.

…Ниночку Евдокимову Даша узнала мгновенно, по найденной в квартире Риты фотографии в стиле «ню». Сейчас она, понятно, была одета и сидела в уголке с видом невиннейшего ребенка, несправедливо заподозренного злыми дядями в краже варенья. Вот только Даша в комнате оперативников уже успела лицезреть бедолагу-сыскаря, которому Ниночка при задержании качественно прошлась по физиономии всеми десятью коготками – для жизни и здоровья увечья не опасны, но заживать будет долго, да и жена может преисполниться подозрений, бывали уже прецеденты, хоть справку мужику выписывай…

Костя Гукасов предусмотрительно сидел в отдалении – но, понятное дело, меж Ниночкой и дверью. При виде Даши он мгновенно вскочил, с серьезным видом вытянул руки по швам и жестяным голосом отрапортовал:

– Товарищ майор, арестованная доставлена! – и выпучил глаза в наигранном усердии, что твой фельдфебель лейб-гвардии.

Евдокимова никак не могла считаться арестованной, поскольку не было ордера на арест. Всего лишь – задержанная, которую, если не вскроется ничего серьезного, придется с извинениями отпустить через семьдесят два часа. Да и Костя в жизни себя не держал таким идиотом. Игра просматривалась мгновенно – пухлощекий Костя с его трогательной бородкой был «добрым», следовательно, Даша…

– Вольно, – сказала она неприятным голосом остервеневшей от собственной невинности старой уродки. – Сцапали все-таки стервочку? У нас не побегаешь. – Обернулась к Славке: – А вы что стоите? Идите к раненому сотруднику, снимите показания, как надлежит. Оказание сопротивления при аресте – это уже до пяти лет, как два пальца… – Подошла и оглядела Ниночку сверху вниз, громко сообщила через плечо Косте так, словно кроме них двоих, в кабинете никого и не было: – Смазливенькая. На зоне ее быстро приспособят, будет лизать паханкам щелки со всем усердием, пока язык не протрет. Целка?

– Н-нет… – промямлила Ниночка, на глазах доходя до нужной кондиции.

– Твое счастье, – холодно порадовала Даша. – Одной заботой меньше, на зоне целок любят столовыми ложками распечатывать… – Села возле стола, закурила, с крайне нехорошей улыбочкой принялась разглядывать съежившуюся Ниночку.

Клиентка, ручаться можно, дозрела… Запросто может описаться. «Нет, – подумала Даша, – эта ребром ладони шею сломать не могла. Есть все-таки сыскарская интуиция, что ни говори… Девочкин потолок – коготками по физиономии…»

– Товарищ майор, может, нашатыря принести? – сердобольнейшим тоном вопросил отличный опер Костя Гукасов. – Плохо девушке…

– Пусть привыкает, – непреклонно сказала Даша. – Все равно парашу нюхать…

Ага! Слезы брызнули в три ручья. Клиентка ревела громко и самозабвенно, пытаясь вытирать щеки скользким рукавом розового синтетического пуховика. Даша ей не мешала. Продолжалось это довольно долго, но в конце концов запас слез кончился, пошли «сухие» всхлипывания. Даша подала знак глазами Гукасову. Знала, что он и сам подыщет нужные слова.

Костя не подкачал.

– Товарищ майор, а может, зря наши на нее так навалились? Вы посмотрите – соплюшка, куда ей…

– А что же она от милиции четыре дня бегала? – сварливо спросила Даша. – Сама, может, и не убивала, но могла впустить кого-то в квартиру…

– Да никого я не впускала! – прямо-таки возопила Ниночка. – Когда я пришла, она уже была мертвая…

Даша сделала Косте знак, означавший, что ему немедленно следует взяться за стилос. Он кивнул и полез в стол за бланками.

– Так-так… – сказала Даша на полтона ниже. Подсела к девушке, задрала ей указательным пальцем подбородок. Смазливенькое, насмерть перепуганное мокрое личико. – А давай-ка, радость моя, по порядку. Я все-таки не зверь, если меня не доводить…

– А вы кто? – боязливо спросила Нина.

– Заместитель начальника городского уголовного розыска, – сказала Даша. – Майор Шевчук, она же – Дарья Андреевна. А ты, стало быть – Евдокимова Нина Федоровна, Шантарский университет, третий курс философского… Интересная у тебя философия – сотрудников милиции при исполнении когтями полосовать…

– Это нечаянно получилось…

– А Уголовный кодекс, знаешь ли, таких тонкостей не разбирает…

Скрипнула разболтанная дверь – заглянул Славка, с которым была предварительная договоренность, и, узрев Дашин условный знак, равнодушно сказал:

– Дарья Андреевна, там у соседей тюремная машина клиента забирает… Может, сразу на нее бумаги оформите, чтобы зря конвой не гонять?

– Погоди, – сказала Даша, созерцая съежившуюся клиентку. – Пару минут они подождать могут? Может, я ее еще и оформлять не буду, смотря как договоримся, так что покури пока…

Славка кивнул и исчез.

– Вот такие пироги, – сказала Даша. – И машина для тебя готова, если что…

– А можно как-нибудь… – послышался долгожданный лепет.

– Все можно, – сказала Даша. Наклонилась поближе и внятно, проникновенно сообщила: – Ты понимаешь, мы тут не звери. И сами мы никого не сажаем, сажает прокуратура. План у них такой, как в старые времена. Если есть убийство, должен быть подозреваемый. И так уж обернулось, что под рукой у них, кроме тебя, никого другого нет.

– Но я же ее не убивала…

– Глядишь, и разберутся, – сказала Даша – И выпустят. Только насидишься ты до того со всякой сволочью, которая с тобой будет вытворять такое, что сказать противно. Логика у прокурора будет простая: а почему это сия девица вздумала скрываться, если совесть у нее чиста?

– Я испугалась…

– Погоди, – сказала Даша. – Лирику – на потом. Видишь ли, есть один маленький секрет: хотя мы сами никого и не сажаем, все бумаги насчет тебя будем писать мы, а не прокурор. Можно написать так, а можно и этак. Хочешь, я тебе дам вовсе уж роскошную возможность через часок вернуться к папе с мамой? (судя по лицу Ниночки, она не просто хотела – отчаянно жаждала). А возможность такая: ты мне чуть погодя старательно напишешь заявление. И получится, что не мы тебя ловили, высунувши язык, а ты сама добровольно явилась в эту контору и рассказала все, что знаешь… С тем бедолагой, которого ты когтями испахала, я постараюсь договориться… Только уговор: если я потом узнаю, что ты хоть капельку утаила, найду способ наделать та-аких пакостей… Как?

– А не обманете?

– А ты рискни.

– Это про вас в прошлом году в газетах писали?

– Ага, – сказала Даша. – И там, если помнишь, пару раз упоминалось, что есть у меня такая дурацкая привычка – держать слово. Мне не твой скальп нужен, а информация. Лично мне, чтобы свалить работу с плеч, достаточно закатать тебя в камеру, а уж потом пусть с

тобой прокурор нянчится… Только мне, видишь ли, нужно поймать убийцу. Привычка у меня такая.

Девчонка подняла мокрые глаза и впервые взглянула ей в лицо:

– А вы их всех подряд ловите? Или есть такие, которых тронуть боязно?

Любопытная реплика, отметила Даша. И сказала:

– Веришь ты там или нет, но в данном случае у меня в кармане карт-бланш на любого убийцу, кто бы он там ни был. Знаешь, студентка, что такое карт-бланш?

– Он же – леттр де каше?

– Ага, – сказала Даша. – Видишь, такой у нас с тобой начался интеллектуальный разговор… Не переживай. Если поладим, я тебя в обиду не дам. И дальше меня твоя информация не пойдет… Правила игры, знаешь ли. Врагов я грызу, а друзей защищаю, потому и сижу в нынешнем креслице, дело тут даже не в тебе, а в принципе… Уяснила? Сигаретку дать?

Она уже видела, что выиграла: материал попался мягкий, идеально поддававшийся самой простой обработке. Придвинула пачку сигарет и мятую жестяную пепельницу.

– Ну, договорились? Вот и ладушки… Давай-ка с самого начала. Ты у нее давно работала?

– Семь месяцев. Моя подружка у нее работает визажисткой, она и порекомендовала… Работа, в принципе, была нетрудная – пару раз в неделю навести порядок, повозиться на кухне, когда будут гости. Вот гости бывали частенько… Ну, в магазин, в прачечную и все такое…

– Я так понимаю, она тебе платила наликом без всяких официальных бумажек? Ну и ладненько, я к налоговой полиции отношения не имею, пусть сами крутятся, как умеют… Значит, ты у нее убиралась дома, помогала крошить салатики… Такой пасторалью дело и ограничивалось? Мне тут успели наябедничать, что ты с ней порой по шикарным дачкам ездила… Учти, Нина, если начнешь крутить поперек нашего джентльменского договора, могу и рассердиться…

– А я и не говорила, будто не ездила… – торопливо сказала Нина, и на лице с подтаявшей косметикой изобразилось некоторое смущение. – Бывало…

– А папе с мамой вкручивала, будто сопровождала хозяйку в недальние гастроли…

– Ну да, вы же с ними определенно говорили…

– А ты как думала? Два часа слушала, как сокрушаются о благонравной и положительной доченьке, на нервы исходят… Значит, романы кое с кем из Маргаритиного круга у тебя случались?

– Вот только эскорт мне не надо шить…

– Кто ж тебе его шьет? – усмехнулась Даша. – Я и говорю – скоротечные романы с подарками и приятным времяпрепровождением, возможно, иногда и денежки, чтобы купила себе какую-нибудь мелочевку… Но никакого эскорта. Самая обыкновенная личная жизнь конца двадцатого века. Ты на меня не взирай так пытливо, я не иронизирую, просто-напросто подыскиваю формулировки, чтобы и твое достоинство не задевать, и суть дела уяснить.

– Что тут уяснять? – преспокойно пожала плечами юная фемина. – Жизнь как жизнь. В конце-то концов, не было у меня никакого единственного и неповторимого, бедного талантливого студента, которого бы обманывать пришлось… Логично?

– Логично, – согласилась Даша. – А поскольку ты у нас человек совершеннолетний, я тебе мораль читать не собираюсь. Не мое это дело… С Маргаритой на фоне светской жизни трений не было? Скажем, кавалера не поделили?

– Да нет, обходилось, – усмехнулась Ниночка без малейшей тревоги. – Всегда можно было договориться… Не такие уж сокровища, в самом-то деле, всем хватит… Вообще, мы с ней неплохо жили. У меня полное впечатление, что ей нужна была подружка, потому что по работе или сплошные завистницы, или гримерши-парикмахерши, а они, если подумать,

такие же завистницы, каждая смотрит вслед и думает про себя: у меня и попка не хуже, и ноги не короче, почему же этой выдре все достается?

– Это твое собственное философское наблюдение или Маргарита наболевшим делилась?

– И то, и другое, если подумать…

– А ты, значит, ей не завидовала?

– Да как-то нет…

– А вот это ты как объясняешь? – Даша перевернула заранее вынутую из папки фотографию, где обе красотки, живая и мертвая, сидели в голом виде и превосходном настроении. – Часом, не поигрывали в лесбос?

Вот тут обретшую было уверенность в себе Ниночку немножко проняло – не особенно, но все-таки. Покраснела слегка, кинула беспокойный взгляд на усердно склонившегося над протоколом Костю.

– Не тушуйся, – примирительно сказала Даша. – Статьи, ежели добровольно, как-то не предусмотрено… А мы тут всякое повидали.

– Да это сплошные приколы…

– А точнее?

– Ну, неудобно…

– Мы насчет чего договаривались? – спросила Даша посуше.

– Взяли и снялись ради прикола. У нее в квартире. Ну, если откровенно… Ритка была повернута на Мерилин Монро, вы уже сами, наверное, знаете. Такой тихий шиз. Если что-то делала в свое время Мерилин – Ритка непременно должна была то же самое старательно повторить или хотя бы попробовать. Больше всего она как раз комплексовала из-за кино – ей самой ни за что было не пробиться в кино, не тот полет… Вот. А однажды она где-то прочитала, что Мерилин пару раз пробовала лесбос – ну, и загорелась со всем пылом. А кто у нее под рукой? Я, естественно. Вот и уговорила попробовать – после второй бутылки и второго золотого колечка. Не в колечках дело, на меня тоже озорное настроение нахлынуло – взять и попробовать, что в этом такого есть… только ничего не получилось, обе добросовестно старались-старались, но потом стало окончательно ясно, что по жизни мы с ней не лесбиянки. Ухохотались обе, возились, как дуры, тем и кончилось. Она потом, правда, немного комплексовала, но я ее убедила, что насчет Мерилин и ее лесбийского опыта могли быть понаписаны сплошные враки… Я и правда так думаю. Ритка и снотворное пробовала глотать кстати и некстати, потому что Мерилин пила, и замуж за этого обормота из «Шемрока» одно время собиралась…

Она разговорилась, болтала много и охотно. Костя порой не успевал записывать. Однако чем больше Ниночка выкладывала, тем скучнее Даше становилось – с профессиональной точки зрения. Ничем не примечательная жизнь провинциального «высшего света», старательно подражавшего то ли столичному стилю, то ли дешевым кинофильмам, – роскошные дачи, шашлычки-коньячок, катера и таежные полянки, кто-то кому-то по пьянке украдкой распорол ножницами плавки, кого-то принялись в шутку топить в бассейне и едва не закупали до смерти, две бомондовых бабенки вцепились друг другу в волосы, что твои дешевки с привокзальной площади, один весьма известный кандидат в депутаты спьяну облевал цепную овчарку, за что и был ею качественно потрепан с последующим вызовом «скорой» и долгим лечением покусанного зада… И все же Даша терпеливо слушала, надеясь, что выцепит нечто полезное, способное пролить свет или просто ухватить не замеченную прежде ниточку…

Убедившись, что ничего подобного не дождется, какое-то время слушала просто по инерции – и, когда представилась возможность ненавязчиво прервать, подняла руку:

– Ладно, хватит… что-то я уже скучать начала… – и достала очередную фотографию, потом вторую, третью. – А вот эту дачку ты, часом, не узнаешь?

Нина старательно всмотрелась – и в глазах у нее что-то мелькнуло, то ли тревога, то ли страх, даже рука дрогнула. Увы, никак нельзя было определить, к знакомому интерьеру это беспокойство относится или к запечатленным на снимке мужчинам.

– Что-то не припомню я такой дачи. Их столько было… Камин, вроде бы, знакомый.

А может, один мастер делал…

– А мужики?

– Не знаю я никого…

– Стоп, – сказала Даша. – Радость моя, ты только не думай, что ты у нас самая хитрая… Лады?

– А что?

– А ничего. Сначала все шло нормально, потом ты стала крутить. Неумело крутить, Нина, я тебе скажу… Подожди, – Даша подняла ладонь. – Не гони лошадей. А то начнешь врать неумело, придумывать что-то на ходу, вляпаешься моментально и окончательно. Мы здесь не то чтобы хитрые, мы вовсе не гениальные сыщики – просто работаем давно, всех и всяческих уверток навидались, и понять, когда человек врет, при моей практике нетрудно… Соображаешь? – Она заговорила резче: – Знаешь, где начинаются связанные с тобой непонятки? С того момента, как ты, застав Маргариту мертвой, выскочила из квартиры и пустилась в бега, словно крепостной мужичонка – на вольный Дон… А вдруг она была еще живая? Ты же не врач и близко с медициной не лежала…

– Я же ее руку трогала… – выпалила Нина. – Она была холодная, как… как не знаю что. Жуть…

– Хорошо, – сказала Даша. – Она была холодная. Ты бутылку в кухне видела?

– Ага…

– Могла подумать, что она по пьяному делу поскользнулась и приложилась головой. Что у нее отказало сердечко – с похмелья и со здоровыми случается… Зачем тебе бежать, кто тебя обвинит и в чем? Пришла утром, увидела хозяйку мертвой, на тебя никто и не думает, ты всю ночь провела дома, родители подтверждают… Уж извини, но в простой испуг мне что-то не верится, хоть ты меня режь. С одной стороны, ты мне то и дело повторяешь, что вы были скорее подругами, с другой – за все время, что мы тут болтали, ты ни разу не заикнулась не то что о своих догадках насчет причин смерти, а вообще обходила стороной это слово, «смерть». И не могу я отделаться от впечатления, будто тебе уже заранее все ясно… Все ты знаешь про свою подружку – потому и страх за себя посильнее, чем грусть-печаль… Нет?

– Вы не поняли…

– Все я поняла, – сказала Даша. – Ты, родная моя, боялась того же самого… Боялась, в свою очередь, получить по голове. Потому и бегала. И не пришла тебе в голову одна простая вещь: если я тебя сейчас отпущу – а я тебя, пожалуй что, отпущу, – на воле тебя очень быстро достанут? Это ты знаешь, что ничегошеньки мне не сказала, – а они-то будут заранее предполагать самое для себя худшее. Ты что, детективов не читаешь и не смотришь? Объясняй потом, что ничего ты не сказала…

Она затянула хорошо рассчитанную паузу, не спеша пускала дым, вроде бы и не глядя на ссутулившуюся собеседницу, но краешком глаза, конечно, *держала* девчонку и отметила нешуточное борение чувств, отражавшееся на подурневшем личике. Что-то было, и серьезное, инстинкт гончей подвести не мог…

– Да с чего вы взяли? – сказала Нина скорее жалобно. – Ничего не было…

– Дурочку не гони, ладно? – сказала Даша насквозь деловым, даже равнодушным тоном. – Мне вокруг тебя плясать некогда. Я, честно тебе признаюсь, немного перегнула палку. С самого начала. Решила, будто ты замешана каким-то боком. Потому и орала на тебя,

как Ленин на буржуазию. А теперь вижу, что ты к убийству никакого отношения не имеешь, а потому не вижу причин прятать тебя за решетку. Скоро будешь свободна, как птичка. А охранять тебя оснований нет. И следить за тобой никто не будет. Тут не Чикаго, нет у меня ни лишних людей, ни машин, да и слежка не так просто оформляется – сто бумажек заполнить придется, обосновать и доказать, а начальство лишней головной боли тоже не хочет… В общем, Нинуля, выйдя отсюда, останешься одна-одинешенька. Уверена, что они тебя не ищут?

Девчонка вскинула глаза:

– А вы уверены, что у вас хватит сил?

– Уверена, – сказала Даша. – Есть такое распространенное заблуждение – будто у любого богатенького Буратино или имеющего отношение к власти обормота все кругом куплено и все схвачено. Дыма без огня, конечно, не бывает, но поверь моему опыту – если придет такая потребность, можно взять за задницу чуть ли не любую шишку… А потребность есть, между прочим… – И резко сменила тон: – Так узнаешь дачу?

– Как сказать… Я там не была, но, по-моему, часы те же самые…

– Переведи, – сказала Даша. – Что за ребус? Ты там не бывала, но часы узнаешь…

Она присмотрелась к фотографии – довольно большие часы на каминной полке, вокруг циферблата сгрудились бледно-желтые, толстомясые нимфы в манерно-вычурных позах, массивная подставка, общее впечатление самое убогое, дешевка…

– Маргарита эти часы очень похоже описывала…

– В какой связи?

– Ритка говорила, будто под этими самыми часами спрятала что-то…

Даша навострила уши. Информация, и в самом деле, пошла прелюбопытнейшая.

С месяц назад начались определенные странности, чем дальше, тем больше выплывавшие на поверхность. Что-то с Маргаритой происходило, тревожащее и совершенно непонятное. Нина это подметила довольно быстро, пробовала расспрашивать, но ясных ответов не получила. Зато, стоило хозяйке-подружке набраться как следует, градом сыпались туманные намеки, слезливые недоговоренности, смутные страхи. Нина клялась и божилась, что *новая* пьяная болтовня отличалась от всего прежнего, как небо от земли. Да и вообще, раньше, насколько она помнит, Маргарита закладывала совершенно иначе, не в пример спокойнее и веселее. Теперь же казалось иногда, что она то ли начала сдвигаться умом, то ли вляпалась во что-то чрезвычайно грязное. Второе вероятнее, поскольку изменения подозрительно легко увязывались с появлением в ближнем кругу певицы двух новых закадычных друзей…

– С этим она познакомилась еще до меня, – Нина ткнула пальцем в физиономию Дашиного информатора. – Это какой-то деятель из губернской управы, особа, приближенная к императору… У меня впечатление, что он-то Ритку с этими двумя и познакомил. Вот это – Вячик. Так его все звали, и Маргарита тоже. Больше о нем ничего и неизвестно – Вячик и Вячик…

Отчество Камышана – Вячеславович, припомнила Даша. Совпадение или нет?

– А второй?

– Второго все звали Роман. Отсюда и постоянные шуточки – «веселый роман», «бесцеремонный роман»… Только шуточки были скорее, я бы сказала, подобострастные. Виктор, – она вновь ткнула пальцем в Дашиного информатора, – был, я бы сказала, ступенечкой пониже Романа, а Вячик – вообще где-то на последнем месте. Ну, вы же знаете, наверное, как это бывает: в компании очень быстро просматривается, кто есть кто, кто на котором месте… Перед Романом они оба самую чуточку лебезили. Сильный такой мужик, я не про мускулы – чувствуется, у такого в кармане и «золотые» кредитные карточки, и длинные нули на счетах… Хотя и мускулами не обижен… Импозантный джентльмен…

– Что, и к тебе клеился?

– Когда они появились, как-то само собой вышло, что меня начали отшивать. От *этой* именно компании. Ритка, когда уезжала с ними, меня с собой никогда не брала. А с другими компаниями, с другими дачами все шло по-старому…

– И как она это объясняла?

– А никак. «Ты уж извини, такие дела…»

– И кто из них с ней лялькался?

Нина задумчиво помолчала:

– Вот вы знаете, у меня такое впечатление, что – никто…

– А это? – Даша вытащила фотографию. – Застолье бьет ключом, народ развлекается… Все крепенько поддавши.

– Все равно, – упрямо повторила Нина. – Такое у меня впечатление. То ли там был кто-то еще, то ли пьянки были исключительно делового плана.

– Не складывается, – сказала Даша. – Некий богатенький Роман, деятель из губернской управы – и певица Маргарита. Ну какие с ней могли быть дела у импозантных джентльменов, окромя постельных? Никто, ни один человек и словом не обмолвился, что у Маргариты были какие-то коммерческие таланты. И никакими бизнесами она не занималась, все крутил Гуреев…

– Сама знаю, – потерянно промолвила Нина. – И все равно, никак не похоже было, что она с кем-то из троих спит. Такие вещи сразу видны… Понимаете?

– Понимаю, – сказала Даша. – А сама она, значит, и словечком не обмолвилась?

– Ни разу. Сплошные недомолвки. Что-то такое серьезное, способное ее вознести на всю оставшуюся жизнь, что-то вовсе уж грандиозное… А параллельно с этим Ритку иногда прямо-таки трясло от страха.

– Куда – вознести?

– Представления не имею. В последние дни это у нее постоянно шло в связке – то бормочет, что взлетит на недосягаемые высоты, то начинает хлюпать носом и твердить, что ее раньше зарежут… А когда она однажды перебрала при Вячике и начала гнать ту же самую дурь, он на нее покосился так, что мне поневоле жутко стало. Как волк, право слово. А потом выманил меня на кухню и стал расспрашивать: что она мне рассказывает, особо ли со мной откровенничает… И все такое. Я, конечно, прикинулась дурой. А он… – Нину явственно передернуло. – А он вытащил пистолет, упер мне дуло вот сюда, под шею, знаете, как в кино показывают. И сказал что-то вроде: смотри у меня, ласточка, будешь болтать – или мозги по стенке разлетятся, или под асфальтом окажешься…

– Пьяный?

– Пьяный-то пьяный, а глаза – волчьи, трезвые…

– Пистолет был настоящий?

– Определенно. Он сначала вынул пистолет, потом обойму, показал мне, загнал в ручку, этак демонстративно… Патроны были самые настоящие. Мы на одной дачке пару раз стреляли из настоящего, я запомнила, как все выглядит…

– И когда это было?

– Дня за три до…

– Статья сто девятнадцатая, – сказала Даша удовлетворенно. – Объясняю, чтобы ты не особенно боялась. Уже есть основания, чтобы взять за хвост твоего Вячика.

– А если у него есть разрешение на ствол?

– Все равно. Та же статеечка. Если имелись основания опасаться осуществления угрозы… Имелись у тебя основания?

– До сих пор жутко…

– Так и напишешь потом. Когда она тебе рассказывала про часы?

– В тот же вечер. Роман вышел на кухню, Вячик успел спрятать пушку, только Роман, по-моему, все равно заметил, выставил меня в комнату, и они в кухне еще минут пять разговаривали на повышенных оборотах. Вячик вышел, как побитый, а Роман мимоходом покосился на меня, не то чтобы зло, совсем не так, как Вячик на кухне – но все равно мороз прошел по коже… Они уехали, а Ритка принялась глотать красное стаканами. Я тоже от расстройства изрядно приложилась, в меня впервые в жизни тыкали пистолетом… Мандраж был изрядный, что уж там. После всех этих ужасов в газетах… Вы правильно сказали – доказывай потом, что я ничегошеньки не знала… Ну, короче, Ритка стала ныть, что ее непременно зарежут. Ее почему-то непременно должны были не утопить там или застрелить, а именно зарезать. Может, зациклилась из-за этого вот ножика… – показала она на фотографию. – И сказала, что спрятала что-то под часами на даче.

– На какой?

– Не знаю. Показала фотографию и долго объясняла по десятому кругу: под этими самыми часами, никто сто лет не хватится, а достать, если понадобится, проще простого…

«Интересно, что там можно спрятать?» – подумала Даша, в сотый раз рассматривая фотографию. Массивная подставка, если внутри нет тайника, что можно под нее подсунуть? Листок бумаги, несколько купюр, и не более того…

– А потом?

– Ничего особенного. Ровным счетом. Она уже была едва тепленькая, да и у меня в голове шумело. Собралась и поехала домой. А в тот день… – она жадно затянулась. – Приехала около девяти, как обычно. Открыла своим ключом, прислушалась – ну мало ли, вдруг у нее кто-то в спальне, – прошлась по комнатам, заглянула в ванную, а она там, глаза распахнуты, в потолок уставилась…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.